

Сергей Шишков

Прости меня, мама

Роман

Сергей Шишков

Прости меня, мама. Роман

«Издательские решения»

Шишков С.

Прости меня, мама. Роман / С. Шишков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935993-3

Новая книга Сергея Шижкова «Прости меня, мама» является продолжением двух его предыдущих романов. Главный герой — Иван Иванович, находясь в геологической экспедиции, от хозяйки дома, в котором он проживал, услышал трагический рассказ о её прошлой жизни. На прощание она попросила его помочь ей найти брата по конверту с адресом, присланным ей двадцать лет назад. Иван Иванович находит брата, оказавшимся военным начальником в звании генерал-лейтенанта. Встреча брата и сестры перевернула их жизнь.

ISBN 978-5-44-935993-3

© Шишков С.
© Издательские решения

Содержание

ПЕЩЕРА ПОКАЯНИЯ	6
Глава первая	7
1 В этом году всё нарушилось	7
2 Монах Власий	9
3 Воды Туронского моря	13
4 Матушка Анастасия	15
5 Всё существует настолько, насколько оно светится	20
6 Дорога к Дивам	23
7 Тихая сосна	25
8 Шатрище	28
9 Пещера Покаяния	32
Глава вторая	39
10 Мне хочется открыться вам	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Прости меня, мама

Роман

Сергей Шишков

© Сергей Шишков, 2018

ISBN 978-5-4493-5993-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПЕЩЕРА ПОКАЯНИЯ

Глава первая

1 В этом году всё нарушилось

В жизни Татьяны и Ивана всё складывалось как нельзя лучше. Их брак был зарегистрирован сразу же по приезде их в Ленинград, и они уже три года жили как муж и жена, чувствуя себя счастливыми людьми.

В Ленинграде Татьяна старалась заменить Ивану его маму Надежду Петровну, скончавшуюся несколько лет тому назад.

Она всячески пыталась сохранить его быт так, как это было при ней, оставив всю обстановку в том же виде, готовила ему еду, тщательно следила за одеждой и каждый день с добрыми чувствами провожала его на работу, дожидаясь возвращения.

Хорошей матерью стала она и для детей, любя своего сына Павла и Серёжу, сына Ивана, родившегося от первой его жены Машеньки, погибшей в партизанском отряде в годы войны.

Мальчики уже стали студентами и выросли настолько, что ростом стали выше Ивана и говорили басистыми голосами.

Серёжа учился на четвёртом курсе университета, а Павел на втором курсе политехнического института. Они настолько подружились, что всегда вместе уходили на учёбу, а дома дополняли друг друга знаниями, получаемые из разных источников.

Каждое утро Татьяна тщательно следила за их внешним видом, настраивала их на ответственное отношение к знаниям, ставя в пример Ивана, окончившего Горный институт. Интересовалась она и их учёбой, хотя мало понимала в тех учебных предметах, которые они изучали, но, спрашивая, всякий раз получала некоторое о них представление.

Жили мальчики в той комнате, которую в прошлом занимал Иван, обставив её по своему усмотрению.

Татьяна, хотя и привыкла к городской жизни, но, конечно, её тянуло в Почеп к своему дому, где она родилась и в котором сейчас жила её дочь Таня со своей семьёй.

Туда они отправлялись вместе каждое лето. Иван брал свой отпускной месяц обычно в начале июня.

К этому времени жена заготавливала всякие семена, проращивала их, чтобы потом посадить на земле возле своего дома и дома Ивана, доставшегося ему по наследству после смерти родителей его первой жены.

Почеп был единственным местом, где разъехавшиеся по стране родные люди, могли встретиться, увидеть друг друга, ещё сильнее ощутить великую силу родственных чувств.

В Москве жил брат Татьяны Георгий Иванович, который каждый год на своей машине привозил в Почеп свою жену Викторию и Катю, дочь Татьяны, жившую у него.

Туда же самостоятельно на короткое время приезжал и Алёша, старший сын Татьяны, живший тоже в Москве со своей семьёй.

В Почеп Иван и Татьяна обязательно увозили и своих детей Серёжу и Павла, приучая их не забывать малую родину.

Осенью разъезжались все, но первым уезжал Иван. Как правило, он специально совмещал дни пребывания в Почепе со своими экспедиционными командировками.

Надо сказать, что на работе его звали по имени и отчеству, к чему он долго не мог привыкнуть. Это придавало ему некоторую солидность его положения, как заведующего отделом.

Все знали о том, что Иван Иванович каждое лето вначале отвозил жену на её родину, потом уезжал в экспедицию, а, возвращаясь из неё, проводил остаток отпуска с женой. Уезжали они в Ленинград всегда вместе осенью.

В этом году всё нарушилось, он в первый раз во время не поехал в Почеп из-за срочной командировки.

Сейчас Татьяна, одна, готовясь к отъезду в Почеп, сидела у окна и вспоминала проводы Ивана на вокзал, представляя поезд, отходивший от платформы, длинный состав которого, издав последний гудок, вначале медленно, а потом всё быстрее и быстрее скрывался за поворотом тонких железнодорожных путей.

2 Монах Власий

Поезд в Белгород прибыл рано утром, но так как в горсовете Ивана ждали к полудню, ему захотелось вдохнуть свежего воздуха и побродить по незнакомому городу, название которого действовало завораживающе. Белый город виделся в его воображении светлым и красивым.

Он пошёл по направлению к высокой церкви, золото одного из куполов которой отливало в отдалении ярким блеском. Дорога вывела его к высокому берегу широкой реки.

– Какое красивое место! – неожиданно для самого себя воскликнул Иван.

Увидев мелькающие внизу над водой полёты стрижей, весёлыми змейками вылетающих из берегов, ему подумалось, что утренняя жизнь является самым радостным её проявлением.

Любопытно было наблюдать за птицами, их бодрое многоголосое чириканье наполняли это место энергией жизни, а его самого хорошим настроением.

Продолжая свой путь к собору, дорога постепенно стала отдаляться от берега, образуя широкое пространство луга.

Узкая едва заметная от обилия высокой травы тропа на нём привела к зданию храма, двери которого были приоткрыты, словно приглашая войти.

Ступив на выложенный каменной плиткой пол, Иван осторожно пошёл дальше на луч света, падавшего на пол из разбитого сверху окна. Неожиданно его слух уловил звуки: чей-то монотонный голос читал молитву. Выйдя из-за колонны, он увидел в длинной тёмной до пят одежде монаха, неподвижно стоявшего с зажжённой свечой перед полуразрушенным иконостасом.

Подойдя поближе и смиренно встав у ближайшей колонны, Иван увидел, как из освещённой солнцем трещины в каменном полу выползла змея.

Он вздрогнул и неожиданно вскрикнул:

– Ой, змея!

Монах даже не пошевелился, продолжая монотонно извлекать из своих уст певучие слова.

Змея же проползла мимо и исчезла в другой трещине пола.

– Благослови, Господи, душу мою, прости все беззакония людские, исцели их недуги и избавь от могилы жизнь мою, повенчай меня милостию и щедротами твоими. Аминь.

Окончив молитву и погасив свечу, монах повернул голову в его сторону и сказал:

– Мир душе вашей, сын мой.

Иван не знал, что ответить и промолвил:

– Извините, нарушил вашу молитву.

– Нет, что вы, я рад увидеть в храме новых людей. Сейчас сюда редко кто заглядывает, а вы в столь ранний час оказались здесь.

Иван сказал, что, приехав на поезде по делам, решил прогуляться, но дорога вывела прямо к храму.

Монах произнёс:

– Бог привёл вас прямо ко мне. Это мой храм, я здесь был и остаюсь монахом. Мне суждено было выжить, и теперь моя судьба принадлежит богу. Каждое утро я уединяюсь от мира, чтобы встретиться с моим лучшим Учителем и Другом, доверить Ему мои мысли, просить Его о помощи, испытать наедине с Ним сладость жизни. Ничто так не заполняет моё сердце радостью, не вносит покой в душу, как общение с Богом.

Оправившись от растерянности, вызванной неожиданной встречей, Иван робко произнёс:

– Батюшка, но в этом храме давно не служат и даже змеи ползают.

Монах помолился на иконостас и сказал:

– Змеи – гады божии. Пусть здесь пока нет других священников, но храм живёт верой в Бога. Когда-то в нём было сердце мужского монастыря. Ах, какое это было счастливое время! Я молюсь перед ракой, в которой находились нетленные мощи святителя Иосафа, правящего епископа Белгородской земли. Теперь святыни нет с нами, власти надругались над его мощами, но память о нём всегда со мной.

– Какая смелость и сила духа у этого монаха, без страха излагавшего такие слова незнакомому человеку, – подумал Иван.

Он же, словно читая мысли, увлѣк его к алтарю и неожиданно спросил:

– Сын мой, вы большевик?

Иван неуверенно ответил:

– Пока нет.

Он подумал и сказал:

– Вы ответили, что «пока нет», думайте, с кем идти дальше. Бог при земной жизни вручил тяжѣлый крест многим нашим священникам, они погибли за веру. Он сделал это для того, чтобы наградить их после земной жизни светлым венцом праведников. Некоторые наши священники ушли из брэнного мира несправедливо жестоким образом, об одном из которых я постоянно молюсь. Он был последним Белгородским епископом и служил Богу в этом соборе долго и усердно. Новая власть, пришедшая сюда, обрушила на церковь страшные гонения. Пострадал за православную веру и епископ, последние дни которого были печальны. Даже великий праздник Рождества Христова не стал им преградой. В этот день прямо в алтарь с оружием в руках к нему явились комиссары и силой вывели из собора, бросив в подвал городской управы, требуя отказаться от служения Богу. Убедившись, что духовно сломить епископа нельзя, его расстреляли, бросив в грязную яму. Верующие же, узнав о его гибели, стали приходить к нему уже на следующий день, зажигая свечи. Их становилось всё больше и больше. Власти, испугавшись людского гнева, вскоре перезахоронили его к стенам собора. Так его душа отошла в вечность.

Потом монах подходил к фрескам с изображением святых, произнося короткие молитвы перед каждым из них.

Иван невольно шѣл вслед и проникался к святым образам каким-то двойственным чувством: жалостью, оттого, что они умирали молодыми, и уважением, потому что они жертвовали собой ради веры.

Монах закончил свой рассказ словами:

– Всем нам предстоит умереть, и тяжко нам будет, если живя на этом свете, мы не будем любить друг друга, если не примиримся с нашими противниками, на которых имеем обиду. Не будут люди иметь в том мире вечного покоя и блаженства, и не простит нам Отец Небесный наши согрешения, если не будет в этом брэнном мире любви, – и перекрестился. терпением спасать свои души, – и перекрестился

Иван тоже перекрестился и внимательно оглядел монаха. По его одеянию было видно, что быт его окружал очень бедный: под монашеским одеянием торчала грязная рубашка, на ногах были стоптанные сандалии.

– А как зовут вас, батюшка? – спросил он.

На что тот ответил:

– В послушании я был Власием, однако, двадцать лет тому назад монастырь закрыли, а нас, монахов, изгнали, – и заторопился к выходу.

Ивану пришлось выйти вместе с ним. Перед храмом монах повернулся к нему, глубоко вдохнул в себя свежий воздух, три раза перекрестился и сделал низкий поклон.

Помолчав некоторое время и, словно просверлив меня глазами, он спросил моё имя, а, услышав ответ и указав на здание, громко сказал:

– Иван, смотри какой величественный храм перед нами! Во всей южной России не найти такого. Пётр Великий на основание его жертвовал сбережения, здесь были императоры и императрицы, великие князья и княгини, жаловавшие ценные подарки и богослужebные книги в дорогих окладах. Ах, какой изящной была церковная утварь, вызывавшая неподдельное восхищение у верующих!

Далее, сделав паузу, он уже с сожалением и более тихо произнёс:

– Теперь этого всего нет: с куполов сбросили кресты, разрушили колокольню, надругались над святыми иконами, а в соборе устроили тюрьму. Узниками её были церковнослужители и простые верующие, не отрeкшиеся от своей веры. Кого-то из них расстреляли, кто-то умер. Я ведь тоже пострадал, находясь здесь в заточении. Вот, хромаю... Спасение неотделимо от страданий.

Иван снова спросил:

– Отец Власий, а где же вы живёте?

– Нигде, где придётся. Прошу милостыню у добрых людей. Мне подают и в ночлеге не отказывают. Благодарствую им. На белой земле есть много святых мест, меня везде принимают.

Потом он сощурил свои глаза, посмотрел на меня и сказал:

– Видится мне, что белая земля и вас хорошо примет, не отторгайтесь от православного мира, позаботьтесь о нём. Церкви стонут от унижения и разрухи.

Иван не знал, что ему ответить, но, поразмыслив, крепко пожал руку монаха и произнёс:

– Святой отец, не знаю, поймёте ли вы мирского человека. Я живу земными ценностями, земной наукой, которой отдаю все свои знания и силы. Вы же жизнь отдаёте Божественной науке, если можно так сказать, и только через любовь к ней понимаете мир земной. Но вы, кажется, приоткрыли окошко в новый мир и для меня, но вот вопрос, как полюбить его? В Ленинграде много православных соборов, в которые я ходил вместе со своей семьёй. Действительно, в них людям становится теплее, там есть ощущение сочувствия, милосердия, успокоения души. Но ваша отрешённая от земной жизни любовь к Богу приходит не ко всем, возможно только к особенным людям. Вот вы и есть особенный человек.

На что монах ответил:

– Нет, что вы. Надо просто любить Бога, просто любить. И тогда святость явится и к Вам. удрые люди те, которые принимают жертвенную любовь Бога, в котором есть Свет и Жизнь Вечная. Все остальное суета. Пример Жизни, как Истинной Любви, Доброты и Красоты нам показан две тысячи лет назад самим Богом. Каждый раз, когда мы падаем, Бог даёт сил встать и идти дальше, он берёт наши грехи на себя и призывает людей раскаяться в них, чтобы спастись и обрести Жизнь Вечную

Иван продолжил говорить:

– Спасибо, отец Власий, за откровения. Может быть, мы с вами больше никогда не встретимся, но помнить эту нашу встречу я буду долго. Мне судьба предоставила случай побывать на белгородской земле и встретиться с вами.

Затем он, подумав, и неожиданно для самого себя спросил:

– Не смогли бы вы посоветовать мне другие святые места на Белой земле, которые можно было бы посетить?

Монах оживился и ответил:

– Вижу, что вы хороший человек. Белогорье – это большая православная страна, церковных обителей в ней много. Святые чудеса творятся Богом там, где есть праведные люди. В пещерных монастырях тайно от властей живут наши монахи. Я иногда бываю там. Посетите их, и вы многое поймёте. Иван, примите участие в возрождении белгородских обителей, люди не должны прятаться от веры. Да и сами приближайтесь к Богу любовью, надеждой, помощью, участием. И запомните, всё, что мы отдаём, обязательно возвращается, но возвращается

радостью, мудростью, счастьем. Благословляю вас на добрые дела. Мы должны сказать правду и тем обессилить зло. Отправляйтесь в Холковский монастырь, где вас всегда примут, укажите только моё имя. Там живёт монах, с которым мы были послушниками в Троицком монастыре. Добраться туда просто, по дороге на Старый Оскол до Чернянки, там будет поворот к монастырю. Обязательно посетите воронежское Дивногорье. Там, в пещере покаяния, снимите с себя грехи. Коротка земная жизнь, надо успеть покаяться. Прощайте.

Он молнией посмотрел Ивану в глаза, словно хотел зажечь в них искру памяти, повернулся и ушёл, а тот долго не мог отключиться от слов монаха, которые молоточками долбили по клеточкам мозга. Голос монаха звучал внутри его, повторяя последние слова: «загляните в пещеру покаяния, снимите с себя грехи».

– Какую тяжкую долю с такими убеждениями пришлось нести этому человеку в миру. Ведь он живёт одной только верой. Может, в этом и состоит всё его богатство, – подумал Иван.

3 Воды Туронского моря

В полдень Иван был в горсовете, где его ждали сотрудники отдела, которыми он руководит и с которыми о встрече заранее была договорённость.

Все они были геологами, приехавшими из Ленинграда в окрестности Белгорода с целью исследования залежей мела и возможностей их использования в промышленности.

Они только что окончили работы в Белгороде и ожидали своей новой дислокации, о чём Иван и должен был их известить. Им предстоял переезд на новое место работы.

В горсовете Иван, выслушав краткий отчёт о работе руководителя экспедиции старшего геолога Вадима Владимировича, поблагодарил всех их за работу и представил ответственному инспектору в Белгородском горсовете.

Тот в свою очередь сообщил о принятом решении переместить геологов в город Лиски для дальнейшей работы в распоряжение воронежского управления по разработке новых меловых разрезов, для чего карьерное управление разрешило использовать для отъезда в город Воронеж грузовую машину.

Погрузив на неё все инструменты и имущество, Иван попросил водителя заехать в только что исследованные его геологами меловые карьеры. Ему хотелось своими глазами увидеть те участки, на которых они работали.

Вскоре грузовик вместе с разместившимися в открытом кузове людьми туда и отправились.

Старший геолог Вадим Владимирович уселся рядом с Иваном и стал рассказывать ему об одном из старейших белгородских месторождений, которым тот занимался здесь уже несколько месяцев вместе с другими сотрудниками.

Он говорил об открытых ими неограниченных запасах чистого мела, в котором содержание углекислого кальция составляло более девяноста пяти процентов, и уверял, что такое ископаемое сырьё можно сразу после размола без обогащения использовать в промышленности.

Иван слушал его отрешённо, понимая, что собранный научный материал будет обсуждаться на учёном совете института, где будет дана оценка и полезность этой работы.

Вскоре машина остановилась у карьеров. Стоя на берегу огромного водоёма и издали глядя на гору добытого мела, лежащего здесь же на берегу, Иван представил себе, как постепенно в течение сотен тысяч лет из осадков отмерших организмов образовывалось дно этого древнего моря.

Думая об этом про себя, он понимал, что теория только поясняет процессы развития Земли, но не даёт полного представления о ней.

И вот теперь перед ним предстало настоящее дно древнейшего моря. Желая физически ощутить прикосновение к нему, он спустился к самой воде и зачерпнул её пригоршней.

Сердце сжалось от прикосновения к древнейшей тайне рождения земли. Ему представилось, что это была вода Туронского моря, которая когда-то девяносто миллионов лет тому назад билась в этих местах, простираясь от Франции до Урала, охватывая всю Европу.

Он взял в руки кусочки мела, растёр их, пытаясь распознать наличие древнейших морских организмов, водорослей, органических остатков. И действительно они были различимы в виде очень маленьких плоских пластинок, блюдец, выпуклых дисков, кристалликов кальция с чётко выраженными гранями, вытянутых трубочек, палочек и других форм. В его руках находилась белая мягкая порода, которую он с большим интересом ощущал в реальности.

Он ещё раз внимательно посмотрел на прозрачную воду карьера, на белые откосы его берегов, на голубое чистое небо и, удивившись прекрасной солнечной погоде, скомандовал:

– Всё, ребята, по местам.

Омыв водой из карьера свои руки, он направился в сторону автомашины.

Вскоре все геологи уже находились в кузове грузовика, который с шумом отправился по просторам Белогорья.

До Воронежа было около трёхсот километров, и прибыть туда они могли только поздно ночью. Чтобы не рисковать и не остаться на улице, Иван предложил геологам ночлег, который посоветовал ему монах.

Те согласились и поехали по направлению к Старому Осколу, любясь протянувшимися на сотни вёрст по поверхности Белогорья покатыми высотами.

Чередование луговой степи с зелёными холмистыми дубравами не давало геологам скучать. Обдуваемые южным ветром, они сидели в кузове машины, поворачивая головы во все стороны. Машина иногда резко уходила вниз, проезжая по дну балок и оврагов, где с обеих сторон над ней нависали широкие листья дубов. Это было очень красиво.

– Благодатная здесь земля, – сказал Остромир Олегович, другой геолог, молчавший до этого. Местные жители говорили, что здесь имеются колоссальные богатства не только мела, но найдены железные руды, апатиты, бокситы. Кто-то мне по секрету сказал, что имеется даже золото и платина. Мужчины копают и находят.

– Да, велика наша земля. Хотелось бы поскорее залечить раны войны и зажить богато, – сказал Иван.

Машина стала выбираться из балки и долго поднималась вверх, где вновь обнажились меловые горы. Вместе с ними стал открываться и безграничный простор, в котором, казалось, двигалось небо, возвышаясь широким голубым куполом.

Неожиданно, третий геолог Никифор Николаевич, сидевший с краю, показав рукой вверх, воскликнул:

– Ребята, смотрите, смотрите, какое захватывающее зрелище, орёл – белохвост кружит в небе!

Все увидели парившую в вышине огромную птицу, которая, неожиданно вытянув передние лапы, стала падать вниз.

– Падает, падает, должно быть добычу увидел, – продолжил он.

Все геологи с большим интересом следили за ней, в один миг скрывшейся в зелени деревьев.

Вскоре орёл выпорхнул из зелёного горизонта, держа в когтях крупную рыбу, блестящую на солнце, набрал высоту и, описав спиральный круг, потонул в бездонной синеве.

4 Матушка Анастасия

Почти три часа двигалась машина до деревни Чернянка. Шофёр Василий сказал, что до монастыря осталось несколько километров. Они проехали ещё полчаса, когда на вершине горы показался одноглавый храм, видимый со всех сторон.

Возле него остановились. Спрыгнув на землю, Иван пошёл к зданию церкви и обнаружил его запёртым на большой амбарный замок. Обойдя храм со всех сторон, внизу под горой увидел ещё один храм. Спустившись с кручи вниз, в открытой двери часовни заметил женщину в тёмной одежде, молившуюся перед иконой.

Подождав, когда закончится молитва, он окликнул её:

– Простите, матушка, я от отца Власия, нельзя ли у вас переночевать?

Женщина, развернувшись к нему лицом, спокойным голосом сказала:

– Отец Власий? Где находится наш скиталец? Блаженный человек, давно не заглядывал в наши края.

Иван ответил:

– Сегодня встретил его на молитве в Успенском соборе.

Женщина внимательно смотрела мужчине в глаза, словно удостоверяться в правоте этих слов, и спросила:

– Кто вы и куда путь держите?

Назвав своё имя, Иван объяснил причину приезда в монастырь дальней дорогой из Белгорода в Воронеж, куда они, ленинградские геологи, отправляются в экспедицию.

Женщина удивлённо спросила:

– Вы из самого Ленинграда?

Он ответил:

– Да, из Ленинграда.

Внимательно осмотрев его, она уже более приветливо сказала:

– Меня зовут матушка Анастасия, я в этом монастыре монашествовую после того, как умер мой батюшка отец Вячеслав Васильчиков. Все верующие его знали. Светлая ему память. Вон здесь его и похоронили, возле часовни. Не могу от него никуда уйти, молюсь за него и за всех святых и грешных. Да и монастырь без меня порушится. Да ладно, пойдёмте, покажу вам кельи. Там давно уже никто из монахов не живёт, а если кто заедет, так останавливается.

Они поднялись обратно наверх, где в отдельно стоящем одноэтажном здании матушка открыла дверь и впустила туда геологов.

Кельи были маленькими с низкими потолками и кроме стоявших деревянных кроватей с матрацами, наполненных сухой травой, в помещении ничего не было. Пришлось разместиться по-походному. Матушка хотела сразу уйти, но Иван, поблагодарив её за ночлег, спросил:

– Матушка Анастасия, завтра рано утром мы уедем и хотели бы от вас узнать что-либо о монастыре. Не можете ли вы показать его нам?

На что монахиня ответила:

– Пока ещё светло, пожалуй, покажу. Через полчаса я буду у вас.

Ровно ко времени она явилась. Все геологи собрались возле здания. Матушка, расспросив имя каждого гостя, ещё раз назвала себя и пояснила, отчего обитель носит необычное своё название мужского Холков-Царев-Николаевского монастыря.

Оказалось, что «Холковым» он значит по наименованию реки, «Царёвым» – потому, что царь Алексей Михайлович, отец Петра Первого, дал жителю деревни Холки будущему настоятелю монастыря Ефрему жалованную грамоту на безоборочное владение землёй. Тогда же при нём построили и первую церковь, освящённую в честь иконы Николая Чудо-

творца. Так здесь появился небольшой монастырь и посёлок, в котором и доживали свой век последние его монахи и отшельники.

Рассказывая, матушка жестом руки указала вначале на окрестные земли, а затем на самое высокое место откоса, куда направилась сама, увлекая за собой геологов.

Я удивился тому, как женщина легко преодолевала крутой подъём, чего не скажешь о следовавших за ней мужчинах.

Вскоре вся группа оказалась в объятиях сильного, но тёплого южного ветра.

На высоте матушка подошла к основанию квадратного дубового сруба и сказала:

– Это всё, что сохранилось от сторожевой башни, служившей с незапамятных времён наблюдательным пунктом воинов, следивших за приближением конницы крымских татар. Мы называем его Жёстовой сторожкой. Мой батюшка говорил, что здесь находилась целая крепость. Эта гора тоже называется Жёстовая.

– Вид с этой горы потрясающе красивый, – сказал Вадим Владимирович.

Иван заметил, что матушка Анастасия после этих слов в первый раз высоко подняла голову и улыбнулась.

Внизу шумели быстрые воды двух слившихся воедино рек, которые в широком раздолье с высоты открывались зеркальным блеском. Где-то у горизонта были видны холмы, покрытые лесом.

Хотелось превратиться в орлана, чтобы пролететь над степью и ещё острее ощутить красоту этих мест.

Матушка Анастасия продолжила свой рассказ:

– Мой батюшка был здесь священником и грамотным человеком. У него были книги о монастыре, он их бережно хранил и мне рассказывал много историй. Я и сама умею читать, прочитала несколько книг и помогала ему в раскопках пещер. Видите церковь, что виднеется позади вас? Так вот, под ней находится крутой обрыв. Мой батюшка однажды заметил на склоне обрыва изображение креста, вырезанного в меловой горе. Странно то, что другие люди смотрели и его не видели, а он увидел и решил отправиться в Курскую епархию, чтобы рассказать об этом. Там знающие люди сообщили ему о существовании подземного монастыря, построенного киевскими монахами в незапамятные времена. И задумал он тогда найти этот монастырь. Подрезая лопатой и стуча по меловому склону, батюшка услышал долгие звуки, и ему показалось, что из-под земли его кто-то звал. Тогда он решил пригласить местных крестьян, чтобы начать раскопки. Люди спускались на верёвках с горы и, раскапывая её со стороны кручи, обвалили часть склона, раскрыв пещеру квадратной формы. Протиснувшись туда, они обнаружили монастырскую молельню, образа, написанные на двух столбах, и буквы древней славянской вязи на стенах и потолке. Позже был открыт и другой вход, у которого находились монашеские кельи с вырубленными на стенах крестами. Как потом выяснилось, молельня оказалась вырытой точно под верхней Преображенской церковью, той, которую вы сейчас видите. Посмотрите, с горы она смотрится очень красиво. Позже их соединили металлической трубой, чтобы богослужение можно было слушать одновременно в обеих церквях. У входа в пещеру построили часовенку, которую освятили высокие городские священнослужители.

Она замолчала, а потом неожиданно спросила:

– Хотите побывать в пещерах?

Все конечно согласились, а монашка, услышав единодушное согласие, указала рукой куда-то вниз.

Геологам теперь предстояло опуститься по крутой и узкой тропинке почти на двести метров вниз, где находился вход в пещеру.

Матушка первой стала спускаться с горы, геологи последовали за ней. Перед часовней она остановилась и перекрестилась, а потом впустила туда геологов. Оказавшись в небольшом

зале часовни, она помолилась перед иконкой, стоявшей на подставке, затем, вручив каждому по самодельной свече, попросила зажечь их.

Стоя перед маленькой дверью, сказала:

– Дверь низкая и нужно нагнуться при входе, за ней темно, сыро и холодно. Идём молча и медленно, – и, отворив её, первой окунулась в темноту.

В пещерном коридоре свечи у геологов гасли, но они зажигали их друг у друга, идя практически наощупь.

Так было до тех пор, пока глаза не привыкли к темноте, в которой их тени, как подслеповатые огромные диковины расползались по стенкам пещеры.

Чтобы поддержать ровное горение свеч, геологи научились ходить друг за другом на одном дыхании, выдерживая некоторое расстояние.

Наконец, все остановились. Оказалось, дошли до церкви, где слабо осветились меловые белые столбы. В сумраке свечей все увидели на подставке трудно различимую икону Богоматери, возле которой матушка стала креститься и молиться.

Иван запомнил эту молитву почти полностью, а в устах матушки она была особенно певучей:

– О пречистая Богомати, Всецарице! Услыши многоболезненное воздыхание наше пред иконою твоею, посмотри на чад Твоих ко святому образу Твоему с верою припадающих.

Ивану показалось, что матушка слова не произносила, а пела тонким, чистым и трогательным голосом, пронизывая всё подземелье и глубоко затрагивая этим геологов.

– Яко птица крылом покрывает птенцов своих, тако и Ты ныне покрой нас многоцелебным Твоим омофором. Тамо, где же надежда исчезает, несомненною надеждою буди. Тамо, где же лютыя скорби превозмогают, терпением и ослабою явися. Тамо, где же мрак отчаяния в души вселися, да воссияет неизреченный свет Божества! Малодушных утеши, немощных укрепя, ожесточённым сердцам умягчение и просвещение даруй, исцели болящих людей твоих, о, всемилостивая Царица! Ум и руки, врачующие нас, благослови! Яко живой, мы молимся пред иконою Твоею, о, Владычице! Протяни руки Твои, наполненные исцелением, дай скорбящим радости и утешение. Чудотворную помощь скоро получив, прославляем Тебя и Живоначную и Нераздельную Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа, во веки веков. Аминь.

Казалось, что её молитвенное слово отдавалось эхом, пронизывало мозг и душу стоявших рядом с ней людей. Все геологи, слушая молитву, крестились и стояли в молчании.

Закончив молитву, матушка, оставив свечу перед иконой, не говоря ни слова, зажгла новую и пошла далее.

Иван подумал:

– Сколько доброты и света было заложено в этой молитве, и какими мудрыми были эти киевские монахи, сумевшие достичь понимания того, что в подземелье молитва воспринимается с особой силой, а слух заостряется настолько, что память улавливает даже самые загадочные молитвенные слова.

Вновь пошли по тёмному длинному коридору, пока не дошли до широкой площадки, где она вновь остановилась и сказала:

– Да, монахи были святыми подвижниками. Они пребывали здесь годами, и в своих холодных кельях на выступах-лежанках отдыхали и усердно молились, вымаливая у Бога мир и спасение живущим, прощение грехов и жизнь вечную. Молились они о житейских нуждах, о том, чтобы дождь пошёл вовремя, чтобы урожай был хороший, чтобы пожара не было, молнией не убило. Просили об избавлении от междоусобной брани, от нашествия врагов, от болезней. Добрая слава о трудолюбивых монахах и иноках разносилась по всей округе.

На некоторое время она замолчала, словно проверяя геологов, воспринимают ли они её слова.

Через некоторое время она продолжила:

– Они оставались жить в монастыре, становясь настоящими подвижниками, самим Богом призванными. К настоятелю обращались и миряне с просьбами принять их в монастырь, но брал он далеко не всех. Тем же, кого брал, ставил три условия: первое – всякое дело делать пред очами Божиими, второе – развить в себе братолюбие и равную ко всем любовь, и третье – совершать послушания с отвержением воли своей. Не все и не сразу понимали назначение этих поучений, но мудрые люди разумели их.

А далее она стала рассказывать историю об искуплении грехов своих старцем Никитой, уроженцем села Холки.

Она говорила о том, что спустя столетие после закрытия монастыря, уже мало кто помнил о былых монашеских подвигах, о святости и намоленности этого места. Об этом решил напомнить своим односельчанам на шестом десятке своей жизни Никита Бычков.

Матушка говорила о своём земляке как о человеке бескорыстном и честном, нашедший свой путь к богу через аскетический образ жизни.

Похоронив в возрасте пятидесяти четырёх лет свою жену, он тяжело пережил утрату. Когда горе постепенно начало забываться, Никита все чаще стал задумываться о загробной жизни, критически оценивая прожитые годы. Эти раздумья привели его к осознанию греховности души. Чтобы искупить грех, он вырыл себе землянку, а потом от неё начал рыть ход к монастырю. Орудиями труда Никиты были лопата, кирка и ведро. Куски и крошки мела он выносил в старицу, высохшее русло речки, находившееся недалеко от входа в подземелье.

– С какими добрыми делами приду я на ответ к Богу? Как дам отчёт о полученных от Него талантах? – размышлял он.

После того, как родной сын Герасим выпроводил отца из дому, тот окончательно поселился в землянке, в которой провёл тридцать лет, питаясь подаяниями односельчан. Смерть застала его на восемьдесят четвёртом году жизни в своей землянке, – подвела итог своего рассказа матушка и повела всех коридором, выкопанным старцем Никитой, к выходу из подземелья.

Выйдя на свет, она взглянула на небо и сказала:

– Я прощаюсь с вами, утро вечера мудренее, завтра обещает быть светлым. Оставьте всё, как было, меня не ждите, спокойной ночи.

Солнце уже зашло за горизонт, стало смеркаться. Все молча потянулись наверх, к своему ночлегу.

Иван долго не мог уснуть, представляя себе все встречи этого дня. Какое-то внутреннее противоречие раздирало его сознание. Красота мыслей монаха Власия и монашки Анастасии проникли в самое сердце, там было всё чисто и бескорыстно. Их чувства были с теми подвижниками, которые давно ушли из жизни, им откликнулся их зов.

И всё же, было такое ощущение, что они стеснялись людей, им было неуютно с ними, что в церкви и пещере они чувствовали себя намного свободнее.

Мысли Ивана постепенно сменились сладкими сновидениями, с которыми он и вступил в новый день.

Встав раньше всех, он вышел из келий и отправился к собору, стоявшему над молельней подземного монастыря. Впереди открывалась деревня, за которой извилистой лентой вдаль уходила река.

Раннее утро навевало ему мысли о дороге, начало которой теперь исходило от этой маленькой деревни Холки, в которой жила матушка Анастасия.

Пристально глядя в заречные земли, он вновь увидел орлана, взметнувшегося в небо. Там над зубчатой линией леса возвышалась старая лиственница с обломанной кроной, откуда вылетела птица. Макушку дерева увенчивало громадное гнездо. Казалось, любая буря, самый свирепый ураган бессильны были сокрушить и сбросить вниз это массивное сооружение. Далеко видимое, гнездо на фоне белёсого неба служило прекрасным ориентиром.

Были видны и несколько других гнёзд, построенных птицами рядом на соседних деревьях. Внимательно всмотревшись в очертания деревьев, на одном из них он увидел ещё одного неподвижно сидящего с царственной осанкой орлана. Его фигура отчётливо выделялась на корявой ветви дерева. Ни малейшим движением, ни криком не нарушил он торжественной тишины.

– Должно быть всю ночь, как вырезанное из дерева изваяние, просидел он на своём троне, – сказал сам себе Иван.

И вдруг эта огромная птица, а вслед за ней и другая единым взмахом рванулись и поднялись в воздух.

– Неужели у белохвостов есть своя семейная территория? – подумал Иван.

Но только он об этом подумал, как увидел захватывающее зрелище. Две огромные птицы, сцепив вытянутые навстречу друг другу лапы, с большой высоты стали падать и кувыркаться до самой земли. Эта парочка расцепила когти, как ему показалось, только в двух-трёх метрах от земли.

– Как красиво среди простора и тишины они любят друг друга, – подумал он.

Вскоре из келий стали выходить геологи, но картины любовных отношений птиц они уже не увидели.

Вышел и шофёр Василий, который завёл машину и пригласил всех забираться на свои сидения, чтобы с ранним попутным ветерком отправиться далее.

5 Всё существует настолько, насколько оно светится

Утро располагало к хорошей солнечной погоде. Небольшой ветерок прохладой пронизывал тела мужчин, сидевших на укрепленных скамейках в открытом кузове машины. Они ёжились и молчали, хотя вокруг них природа играла всеми быстро меняющимися красками наступающего дня.

До Воронежа путь был долгим, и Ивану захотелось побудить их к разговорам.

Так как рядом с ним на скамейке находился руководитель экспедиции Вадим Владимирович, наблюдавший за картинами природы, Иван вначале негромко, но так, чтобы его услышали и другие геологи, обратился к нему.

– Сегодня прекрасное солнечное утро! Какие красивые места мы проезжаем! Был я на Урале, богатую и красивую землю видел, теперь вот южные края России перед нами, не менее красивые и богатые. А какие люди здесь живут, чистые и простые. Сотни километров необыкновенной красоты гор и степей сопровождают нас в этой поездке. Кто создал эту красоту? Реальны ли эти картины? Может это только красивый бело-зелёный мираж перед нами? – сказал он.

Вадим Владимирович, словно поняв его с полуслова, повернулся к геологам и, учитывая шум, исходящий от движущейся машины, громко продолжил тему:

– Вот вы сказали – не мираж ли все эти краски перед нами? Да, мираж. Как физик по профессии скажу, что наука объясняет это законами падения света на поверхность. Почему небо голубое? Да потому, что лучи солнца, посылая поток элементарных частиц, при столкновении с поверхностями преломляются. Пучок цветных фотонов, содержащихся в луче света, имеют разную длину волны. У синего цвета они очень короткие, и, пробиваясь через атмосферу, состоящую из газов, сталкиваясь с их молекулами, преломляются, отражаются и рассеиваются в них своей голубизной. Получается небо синего цвета.

Неожиданно рукой он указал вверх и продолжил:

– Смотрите на небо, по нему плывёт облако. Почему оно белое? Да потому, что оно не поглощает, а отражает практически весь солнечный свет, падающий на него. Мел также отражает весь свет.

На некоторое время он замолчал, но, оглядев всех геологов, вновь заговорил:

– Думаю, будет интересно всем нам об этом подумать, потому что не всё так просто объясняется. Почему мы видим краски такими, а не другими? Простым и сложным одновременно должен быть ответ. Наука многого пока ещё не доказала. Мне, например, понятно, почему ночью все цвета становятся чёрными, но непонятно, почему чёрный цвет не меняется днём? Почему днём предметы, преломляя белый свет, превращают целый мир в живописную картину, повторить которую не может ни один даже самый талантливый художник? Сколько ещё теорий появится на этот счёт, мы не знаем, но пока существует много этих «почему», на которые нет ответа. Посмотрите внимательно вокруг, и вы увидите, как ежесекундно, словно звуки в огромном органе, меняются наши представления о цветах. Как здесь всё взаимосвязано: солнечный свет льётся сверху, а земля отражает его снизу, создавая единое состояние мира, в центре которого находится человек. Мне кажется, что свет проникает во все уголки нашего не только бытия, но и сознания. Это та непознаваемая сила, от которой зависит всё устройство мира.

Неожиданно, не дав Вадиму Владимировичу довести мысль до конца, в полемику вступил геолог Никифор Николаевич, высказавший свои суждения.

– Правильно Вадим Владимирович сказал, что свет есть непознаваемая сила. Наука разложила свет на составные части и пляшет от этого. Изучает, изучает, и ещё сто лет будет изучать и открывать всё новые и новые явления. На свет нужно посмотреть с разных сторон. Для

монахов свет – это Бог, а для простого человека – это лампочка Ильича. Бог и человек прошлого это не то, что бог и человек сейчас. Сейчас человек отходит от бога, думая, что он есть сам бог на земле, желая вторгнуться в законы природы, а может даже и разрушить их. И в этом очень силен авторитет науки, хотя, знаем ли мы, что такое свет? Думаю, что до конца не знаем. Свет в планетарном масштабе – это одно, а свет, как физическое явление нужное человеку, – это другое. Вот в этом огромная разница понимания. Недавно, я прочёл интересную книгу академика Вернадского, где он доказывал, что свет и живое вещество в органическом мире едины, они движут все геологические и атмосферные процессы на поверхности планеты Земля. Именно свет и живые организмы участвуют в перемещении, концентрации и рассеивании химических элементов на земле, а многие горные породы целиком созданы ими. Он высказал очень важную мысль о том, что деятельность человечества наделена геологической силой, бессознательно влияющей на природу, назвав её ноосферой, становящейся новым этапом в развитии земли. Но вот вопрос, будет ли полезно нашим потомкам это преобладание человека над процессами, протекающими в биосфере?

Он посмотрел на геологов, словно желая осознать, понимают ли они то, о чём он говорил, и чтобы ещё больше прояснить свою мысль привёл конкретные доказательства этого, сказав:

– В последнее время резко усилилось вмешательство человека в окружающую природу, открылись новые источники энергии света, от воздействия которых стали биологически и химически меняться составы почв, вод и воздуха. Меняется вся биосфера земли. Мы губим недра, землю и воздух, и они обязательно отомстят нам за это. Да, человек звучит гордо, как сказал один умный человек, но, я считаю, что человек должен знать своё место в природе. Он не может быть Богом над природой. Находясь в подземном монастыре, мы все испытали чувство греховности человека и необходимости покаяния. Человеку необходим Бог и покаяния пред ним для того, чтобы у него не было соблазна разрушать мир. К этому пониманию должен стремиться каждый человек на земле, чтобы она была сохранена для будущих потомков.

Высказался и ещё один геолог. Он сказал:

– Да, мысль Никифора Николаевича о последствиях геологической силы, диктуемой человечеством, рисует мрачную перспективу нашим потомкам. Самое интересное здесь то, что её нельзя остановить. Вот мы, явились на белую землю, чтобы выполнить задание, но отказаться же мы не можем от работы, понимая, что за этим стоит важный для государства производственный процесс. Так же и другие люди науки отказаться не могут от своих исследований. Но мы понимаем, что действительно может наступить обратная зловещая реакция. Как же нам поступить в этом случае? Есть ли у кого ответ на этот вопрос? Мы ведь не знаем, чем занимаются другие учёные. Если земля будет отравлена, испещрена язвами, покроется болезнетворными микробами, то человечество исчезнет само по себе. Новые действия человека направлены против него же самого, не парадокс ли это? Они могут не оставить людям даже возможности размышлять над такими понятиями как свет и цвет. Может, лучше было бы нам жить в подземных монастырях и думать о простых заповедях любви, дружбы, красоты? Сейчас же мы вторгаемся в тайны природы, притом бесцеремонно, больше разрушаем, чем создаем. Может надо умерить аппетит учёных и капиталистов, чтобы сохранить мир и спокойствие на земле, да и укрепить плодородие самой земли? Роль политиков в этой связи играет важнейшую роль, они, используя знания учёных, держат людей на острие опасности, в постоянном страхе быть уничтоженными?

Иван, увидев, какие бурные плоды посеяли его робкие желания сделать поездку нескучной, попытался ослабить тему дискуссии, сказав:

– Интересный разговор у нас получился. Мир так же красив, как и загадочен. Учёным очень хочется познать тайны Вселенной, но чем больше они их раскрывают, тем больше появляется загадок. Конечно, хочется узнать, почему мел белый, а чернозём чёрный? Как хотелось бы разгадать также то, отчего земля так трогает нас своей красотой и реальны ли эти кар-

тины? Мне кажется, что наука никогда не даст ответ на эти вопросы. А вот ещё одна загадка: зачем существуют эти подземные монастыри, один из которых мы посетили?

В то время, когда Иван произносил свои слова, машину резко тряхнуло. Все геологи резво соскочили со своих мест, ругая водителя. Оказалось, что тот не заметил яму посреди дороги.

Когда все успокоились, Иван сказал:

– Водитель не заметил яму на дороге? Это можно ему простить. А вот как учёные и вожди своевременно не всегда замечают опасности своих действий? Я тоже прочитал книгу академика Вернадского, который предупреждал нас о том, что учёные, изучая мир, обязаны учитывать в своих научных трудах высокую нравственную силу земли. Может, не случайно существуют эти подземные монастыри, где монахи остро чувствовали свой божественный спасительный для них свет, перед которым они постоянно совершали обряды покаяния. Я думаю, что всем людям, а особенно учёным и политикам, малым и большим руководителям, от которых зависит мир и спокойствие на земле, надо постоянно и усердно совершить обряды покаяния так, как это делают монахи в своих монастырях. Только тогда им откроется настоящий свет, зовущий к добру и красоте.

Машина, наконец, пересекла черту Воронежа, где окраинная улица, словно специально, затаила в себе слой такой пыли, который, словно взбунтовавшись, непроницаемым облаком преследовал её. Геологи вскоре ощутили это на своих лицах и одежде.

Остановились возле одноэтажного каменного здания горсовета, где предполагалось уточнить и согласовать маршрут по меловым зонам края. Предварительная договорённость об этом была заранее, но о прибытии геологов нужно было поставить в известность работников горсовета для решения с ними транспортных и других вопросов.

На небольшом совещании было уточнено место и время пребывания дальнейшей работы экспедиции: геологам надлежало в этот же день отправиться в город Лиски.

После беседы с воронежским чиновником и представления Вадима Владимировича как руководителя экспедиции Иван решил ознакомиться с воронежской землёй самостоятельно, обещая прибыть к геологам через несколько дней, чтобы проверить условия их работы.

Иван отправлялся на берега реки Дон, чтобы проверить и изучить места для дальнейших разработок его отделом новых карт меловых отложений в этих местах.

Он знал о наличии там почти пятидесяти рукотворных подземелий, некоторые из которых ранее были взорваны для добычи мела. Это невозможно было допустить теперь при разработке его отделом новых меловых карт, и он лично своими глазами хотел увидеть эти места.

Случайная встреча с монахом Власием только разожгла его желание поскорее побывать на берегах Дона и увидеть Дивы.

6 Дорога к Дивам

В этот день Иван уже ехал в кабине попутной машины в направлении этих мест, суливших много необычного и интересного.

Только к вечеру он добрался до причала, желая отплыть туда пароходом. Однако последний из них уже ушёл, и нужно было решать, что делать дальше.

Иван уже хотел возвратиться к геологам, но неожиданно к нему подошёл человек, предложивший доставить его на подводе.

Извозчик так образно описал красоту дороги, что пришлось согласиться отправиться в Дивы по привольной луговой низине левой стороны реки Дона.

И вот Иван уже вдыхает в себя душистое мягкое сено, сидя на телеге.

Дорога вызвала у него чувство умиления от свежести и сочности заливных лугов и желания поскорее встретиться с дивными местами.

Конь почти бесшумно нёсся по мягкому зелёному ковру, в котором утопал грохот колёс.

Широкий простор сочного Донского низовья дышал со всех сторон прохладой. Кругом и вблизи, и вдали, куда только глаз хватал, бесчисленными островерхими грибами торчали среди тёмных чащ молодых лесков бледно-зелёные стога только что скошенного сена. Среди них паслось большое количество лошадей, которые своим то рыжим, то белым, то вороным окрасом пестрели, будто крупные цветы на этом громадном зелёном ковре. Они мордами уходили в молодую сочную траву, поедая её с сосредоточенным увлечением. На лугу у костров суетились ребятишки-табунщики.

На пути встретилось также много небольших озёр, которые, сверкая, словно зеркала, заставляли змейкой извиваться луговую дорогу.

Проехав более часа пути и приблизившись к реке, Иван попросил остановиться: сильно затекли ноги.

– Тпру-у-у, – громко остановил лошадь извозчик.

Спрыгнув с подводы, Иван медленно пошёл к высокому и почти не заросшему кустарником берегу, откуда хорошо было видно, как быстро несла свои воды река.

Высокий противоположный берег и возвышающиеся за ним горы эффектно опрокидывались в синие омуты Дона, отчего река казалась бездонно-глубокой.

Отражение глубины и высокие горы над стремниною реки невольно заставили Ивана воскликнуть:

– Синий Дон! Красота какая!

Отдыхали недолго, извозчик пояснил, что надо спешить успеть к перевозчикам, которые в тёмное время отказываются паромом перевозить людей на противоположную сторону реки.

Проехали ещё с несколько километров. Иван заметил, что берег реки, вдоль которого они ехали, стал намного ниже и почти переходил в болото. Противоположный же берег, наоборот, возвышался могучей пирамидой.

– Что за гора на той стороне? – спросил он.

– А то ж и есть самое Шатрище! Дивы Большие! Там много святостей, пещеры там нарыты аж под самый Дон, сказывают. И уж икон в тех пещерах видимо-невидимо! Старина, одно слово!

Постепенно стало темнеть, и извозчик сказал:

– Жаль, не успели, паромщики в темноте не работают. Придётся ждать до утра.

– До утра, так до утра, – сказал Иван.

На переправе извозчик выпряг лошадь и привязал её к ближайшему дереву.

– Вам постель на сене, телега нам дом родной, – сказал извозчик и указал на неё.

Иван забрался на сено, лёг на спину и долго смотрел в небо.

Извозчик тоже лёг рядом, видно было, что ему было привычно оставаться здесь, потому что он быстро уснул.

Ивану же спать совсем не хотелось, к тому же его тревожил свирепый шум воды, исходящий от реки.

Толкнув рукой дремавшего извозчика, спросил:

– Откуда такой шум раздаётся?

Тот нехотя ответил:

– Здесь впереди Дон делает поворот, быстрая вода шумит. Опасное место.

Всю ночь Иван провёл в полусне: он с открытыми глазами в тёмном небе пытался считать звёзды.

Когда рассвело, извозчик отправился на поиски паромщика:

– Братцы, перевозчики, где вы? Перевезите хороших людей! – кричал он.

Но перевозчикам по раннему утру, должно быть, хорошо спалось. Некоторое время никто не откликнулся. Наконец, огромный заспанный мужик со всклокоченною головою вышел из домика:

– Чего вам? На тот берег? Сейчас, – промычал он.

Минут через десять вышли уже двое мужчин. Один из них, тот, который выходил к ним, отправился к парому, а второй, потребовав от них денег, подошёл к лошади, и, взяв под уздцы, со всей силы втянул её вместе с телегой на паром.

Перевозчик тут же отцепил паром от берега и потянул за верёвку. Ветер внизу сильно гнал волны, и тяжёлый неуклюжий паром стало относить течением, но немалыми усилиями паромщиков он выпрямился и потянулся на противоположную сторону.

Паром вскоре причалил к берегу. Тот же мужик вновь подошёл к лошади, вытащил её вместе с телегой на берег и, сказав нам «С богом!», вернулся на паром.

– Дон-батюшка покорился нам. Вам куда, прямо до Дивов? – произнёс извозчик.

– Хорошо бы в гостиницу, если она здесь есть? – спросил Иван.

– Да где же её здесь взять? Вот если только к бабе-старухе на пожитки.

– Можно и там пожить.

Подвода подъехала к самому подножию горы, где находился маленький хуторок, спрятанный в лесистых пригорках. Узкая тропинка привела к уютному домику.

Извозчик лихо подкатил прямо к избе, сошёл с телеги, зашёл в дом. Через несколько минут он вышел вместе с хозяйкой дома, но задерживаться не стал, а, получив полагавшиеся ему деньги, отправился обратно.

7 Тихая сосна

Хозяйка, назвавшись Зинаидой Кирилловной, встретила Ивана приветливо, сказав:

– Милости просим пожить у нас. Для вас, приезжих, комнатку имеем. Хороший человек Арнольд уже живёт в ней, и для вас тоже широкая кровать найдётся. Хотите посмотреть?

– Да, покажите мою кровать.

Тогда скажите, милый человек, кто вы и откуда? – спросила женщина.

Иван назвал себя, сказав, что он, геолог из Ленинграда, что здесь в Лисках находится его геологическая экспедиция, а ему очень захотелось побывать в Дивах.

Хозяйка отвела его в комнату с двумя кроватями и большим столом. Она была, хотя не богато обставленная, но чистая и просторная.

– Давно ли Арнольд живёт у вас и где он теперь находится? – спросил он.

– Да уже с неделю будет, он всё путешествует где-то.

Иван не стал продолжать разговор, сказав, что очень хочет спать после такой долгой прогулки по сырым лугам Дона.

Хозяйка, пожелав ему хорошего сна, вскоре ушла.

Иван лёг на кровать и сразу уснул.

Его разбудил чей-то отдалённо послышавшийся разговор:

– Не будем ему мешать, я подожду. Пойду лучше полюбуюсь на белые башни, – говорил мужской голос.

В ответ ему прозвучал молодой девичий голос:

– Я покажу вам белые горы.

Ивана проснулся. Он оделся и вышел из комнаты на свежий воздух.

Сразу появилась хозяйка дома, сказав:

– Иван, с хорошим вас днём! Уже полдень. Хотите позавтракать?

– Да, проголодался я, – ответил он.

Вскоре на столе стоял самовар, пыхтевший горячим паром, а вслед за ним она принесла яичницу, пожаренную на сале, хлеб, свежий зелёный лук.

– Вот утолите голод. Пожалуйста, кушайте.

Иван с удовольствием съел предложенную ему еду, и уже, наливая из большого самовара чай, за дверью услышал звонкий девичий голос:

– Мамочка, мы пришли.

Зинаида Кирилловна, обращаясь к Ивану, сказала:

– Вот и Арнольд явился. Будем и его кормить. За столом и познакомитесь.

В это время дверь открылась, и появился ещё совсем молодой человек.

Обратившись к Арнольду, она сказала:

– Это наш новый гость, Иван. Будьте знакомы, – и тут же удалилась.

Иван хотел увидеть и девушку, но та в комнату к ним не зашла.

Через несколько минут хозяйка принесла такую же еду для Арнольда, поставив её на стол.

Иван чай пил медленно, пытаясь закончить это действие одновременно с Арнольдом и за едой узнал, что его сосед археолог из Ростова, приехавший изучать окрестности этих мест.

Они договорились после обеда вместе совершить прогулку по окрестностям.

Вскоре, известив об этом хозяйку, они вышли из дома.

Пройдя несколько сот метров, их путь преградило широкое болото с плёсами и озёрками почти стоячей воды, затянутое камышами, кочками и плавучими островками.

– Это Тихая Сосна, – сказал Арнольд и стал рассказывать о ней Ивану.

Было интересно узнать, что в устье этой реки находилась крепость Крутояр, охранявшая в древности вместе с местностью Больших Див рубежи Московского государства.

О Тихой Сосне он говорил как об особенной в прошлом порубежной реке, на которой с конца шестнадцатого века ставились земляные и рубленые «городки», «опасные острожки», броды, отделявшие малолюдные с «крымской стороны» русские земли от кочевников.

– Теперь время поменяло свои границы, даже берега превратились в болота, хотя память о тех временах ещё осталась, – заключил он и повёл Ивана далее по низкому берегу реки.

Пройдя ещё несколько километров, Иван увидел, что берег стал резко подниматься, а впереди показались покатые горы с почти рисованными белыми столбами, высоко поднимавшихся к небу.

Идя к ним навстречу, археолог и геолог по ходу рассматривали открывавшиеся колоссальные каменные истуканы, похожие на очертания человеческих фигур.

Чем ближе они подходили, тем разнообразнее было это видение.

Иван насчитал около двадцати столбов, разбросанных по всей горе и, как ему показалось, геометрически правильно стоявших одна возле другой.

Наконец, они поднялись вверх на кручи берега, где бродило двое скучающих юношей.

На вопрос, «как называется это место?», они получили ответ:

– Да это Маяцкое городище, – ответили они.

Мальчики, ставшие их проводниками, были жителями близлежащей деревни, а на городище просто проводили время.

Место, по которому они шли, было сплошь покрыто мелкими черепками самой разнообразной глиняной посуды: красной, жёлтой, серой, белой, чёрной, хорошо выжженной и иногда разукрашенной бесхитростными узорами.

– Нет сомнения, что мы попираем почву какого-то глубоко древнего, многолюдного сельбища, и, по всей вероятности, эти углубления при раскопке оказались бы рядами могил, – сказал Арнольд.

И действительно, чуть далее мальчики подвели их одной из них. Она была засыпана всяким мусором, но сопровождавшие их юноши сообщили, что под ним находится ящик, в котором есть кости.

Ребята рассказали, что могила обнаружилась совершенно случайно, в неё неожиданно провалилась пасшаяся здесь корова.

Арнольда это очень заинтересовало, и он попросил их расчистить яму. Сам он тоже в этом принял участие. Яма была с боковым углублением и плоским потолком из крепкой известковой почвы, в которой и был обнаружен дубовый ящик с потемневшими от времени сухими и тонкими костями.

Арнольд сказал:

– Вероятно, труп был посажен в этот ящик в согнутом положении, как это часто встречается в древних могилах. Немудрено, что и всё городище, по всей вероятности, является одним сплошным могильником.

На это отреагировали ребята, сообщившие, что мужики здесь часто находят клады.

Между тем, по рассказам мальчиков, в могиле были вместе с костями обнаружены круглый кувшин и большая медаль. Мальчик видел, как один из мужиков хотел руками согнуть её, но она тут же сломалась пополам.

Арнольд задумался и спросил то ли самого себя, то ли мальчиков:

– Куда теперь девать найденные останки и что делать с самим захоронением?

Оставалось только одно, заявить об этом властям, с чем согласился и Иван.

Арнольд, аккуратно сложив всё обратно в ящик и осторожно вернув в боковое углубление ямы, оглянулся вокруг и, глядя в упор на Ивана, сказал:

– Кто знает, где истоки этой жизненной глубины. Из какой древности явился к нам этот человек. Ведь валы и остроги Московского царства, несомненно, были здесь только позднейшими наследниками древнейших укреплений и сельбищ разных исчезнувших теперь народ-

ностей. Эти исторические народы селились здесь на разрушенных гнёздах древних обитателей Дона, которых история рисует в туманной полутьме отрывочными и сбивчивыми намёками, путая их под шаткими названиями то скифов, то роксоланов, то аримаспов, то сарматов. Мы почти ничего определённого не знаем о них. Кому из этого длинного ряда чередующихся друг за другом племён нужно приписать первоначальное поклонение Большим Дивам как святыне? Это пока остаётся загадкой. Не в силах разрешить это и современная наука археология.

Иван, соглашаясь с его мыслями, хотя в первый раз слышал эти названия племён, сказал:

– Да, так говорит археолог. Надо иметь в виду, что исторические местности всегда избираются не по прихоти людей, а по роковой необходимости. Можно предположить, что племя-победитель, вытеснившее прежних хозяев, волею-неволею водворяется в его же угодьях, черпает воду там же, где они её черпали, высаживается на берег в том же укромном месте, где они высаживались.

Их мысли очень гладко ложились на увиденные археологические детали, хотя мальчики стояли, недоумевая, о чём это между собой рассуждали взрослые дяди.

Пройдя далее ближе к краю горы, они увидели каменный и очень глубокий колодец, который оказался старинным тайником для обитателей городища. По нему мальчики спустились вниз к реке, и больше они их уже не увидели.

Иван с Арнольдом ещё долго бродили по городищу. Несмотря на то, что ноги стали почти каменными, они сходили в поссовет и сообщили о найденном древнем захоронении. Однако там никто этому не удивился, а просто ответили:

– У нас таких находок так много, что мы не знаем, что с ними делать.

Возвратились домой уже под вечер полными впечатлений от этих фантастических картин, где природное и человеческое соединилось в глубокую историю края.

Всю ночь Ивану снился синий Дон, по которому плыли суда, маленькие и большие, чтобы приблизиться к древнему фантастическому Крутояру, где люди и звери жили одной семьёй, а Тихая Сосна всем давала уютное прибежище.

8 Шатрище

На следующий день, проснувшись в хорошем настроении, Иван, вспомнил, что извозчик, довёзший его до Див, упоминал некую высокую гору Шатрище. Дождавшись пока к ним в комнату войдёт хозяйка, он спросил:

– Зинаида Кирилловна, а как нам увидеть гору Шатрище? О ней мне рассказывал знакомый вам извозчик, и я очень хочу побывать там.

– Иван, так вот она. Мы и живём у её подножия. Подождите, сейчас я вам позову лучшую провожатую по этим местам, – и вышла из комнаты.

Примерно через полчаса она возвратилась вместе с девушкой, сказав:

– Вот вам провожатая: моя дочь Акулина.

– Скорее, скорее показывайте нам свой чудесный край, самые красивые места, – произнёс Арнольд.

Девушка неожиданно стала серьёзной, пригласив их пройти вслед за ней.

Девушка легко ступала по каменистым ступеням всё выше и выше, и молодые люди еле попевали за ней.

Акулина неожиданно остановилась и доброжелательно сказала:

– Наше Шатрище допускает к себе только сильных людей. Будьте осторожны, впереди под громадой скалы над обрывом пролегает узкая дорожка и, ступив на неё, пригласила вслед за собой мужчин.

Первым пошёл Иван. Сердце его сильно забило от увиденного глубоко внизу под отвесной стеной стремительного течения реки.

– Держитесь за выступы, прижимайтесь к горе и не смотрите вниз, – крикнула она.

Осторожно прижавшись к холодной стене, Иван медленно шёл вперёд. Также осторожно стал продвигаться и Арнольд, цепляясь руками за каменные выступы.

Узкая тропа над бурлящей бездной постепенно стала расширяться, превратившись за углом в широкую площадку, с которой будто занавес огромного театра распахнулось величественное пространство бескрайней степи, посреди которой движущийся синей лентой протекала река.

Акулина восхищённо сказала:

– Вот он, красавец Дон, вот они наши степи.

Акулина указывала рукой на город Лиски с курчавыми садами и белыми хатками, другой город Коротояк тоже был виден как на ладони.

Так как исторические познания Акулины были незначительные, что хорошо поняли её слушатели, Арнольд решил ей помочь в этом. Он сам стал рассказывать Ивану о реке Дон и открывшихся им городах.

Красивая проводница стояла чуть впереди, и некоторое время наблюдала за ними.

Через некоторое время она сказала:

– Теперь возвратимся обратно, батюшка покажет вам наш храм.

Арнольд не выдержал и спросил:

– И мы больше вас не увидим?

На что девушка сказала:

– Батюшка ждёт, не могу его задерживать. Он у меня строгий, – и повела молодых людей другой более пологой дорогой.

Когда они подошли к дому, Акулина сказала:

– У нас в колодце целебная вода. Могу угостить.

Было жарко и мужчины с жадностью припали к ведру холодной ключевой воды.

– Где есть древняя святыня, там неизбежно есть колодезь со святою водой, – сказал Иван.

Арнольд, глядя на девушку, произнёс:

– Мы восхищаемся вами, такой красивой девушкой, горам, по которым вы не ходите, а просто летаете. Спасибо вам.

Потом пристально посмотрел на неё, отчего она чуть покраснела, и продолжил:

– Надеемся, что мы ещё увидим вас. Будьте нашим проводником и далее, и мы будем счастливы.

Девушка, выслушавшая похвалы в свой адрес, сразу же убежала в дом и через короткое время вышла со своим батюшкой, показавшимся им глубоким стариком. Его длинная борода и усы почти полностью скрывали его лицо.

Остановившись у колодца, он сказал:

– Мир вам, дети мои. Рад познакомиться, меня кличут батюшка Елизарий. Здесь в долине, где мы стоим, когда-то был старинный монастырь, от которого осталась церковь, святой колодец да наш хуторок. Уцелел и большой одичавший сад по скатам задних пригорков. Здесь мы и живём втроём: я, матушка Зинаида Кирилловна и наша доченька Акулина.

Затем батюшка повёл их в гору.

На верхней площадке перед входом в церковь он остановился и стал рассказывать о событиях, происходивших здесь ранее.

Говорил он негромко и медленно, убедительно и искренно, словно сам был участником историй.

Из его рассказа молодые люди узнали, как богомольцы отстаивали своё право молиться здесь, несмотря на запрещение местных чиновников.

– И вера народа оказалась сильнее предписаний начальства. Люди, как и прежде, продолжали тянуться по проторённым издревле дорожкам к древней святыне. Наплыв богомольцев в Шатрищенскую церковь был так велик, что не в меру ревностное начальство, боясь революционных настроений, однажды приказало местному благочинному завалить вход в пещеры и церковь. Люди откопали их, и молитвы стали ещё более усердными: кто-то пел священные песнопенья, кто-то читал божественные книги, и все они были полны решимости до конца стоять за святыню.

Батюшка немного помолчал, нахмурился и громким голосом продолжил:

– Здесь было жестокое побоище верующих с полицейскими. Произошло это после того, когда полиция стала вероломно ломать иконы. Люди пришли в негодование и грудью встали за право свободно молиться там, куда их влечёт вера. И пусть монастырь потом всё равно закрыли, но Шатрище приобрело в народе ещё большую славу и ещё сильнее стало привлекать к себе верующих. Некоторые бабы-богомолки даже ползком на коленках поднимались на кручи горы, что лучше всего показывало, до какой степени народ чтит свою древнюю святыню.

Потом он вновь замолчал на некоторое время, справляясь со своими эмоциями, и уже более тихо и с сожалением произнёс:

– В теперешней церкви служба больше не проходит, но богомольцев приходит много.

Вошли в церковь. При тусклом свете, исходившем из одного небольшого окошка сверху, можно было различить небольшой иконостас из небольших икон, перед которыми монах Елизарий помолился, а молодые люди перекрестились. Затем через узенькую дверь прошли в пещеру и стали опускаться по кругу вниз. Редкий тусклый свет только с одной стороны пробивался через вырубленные в стене окошки. Пологие ступени ярусами уводили их всё ниже и ниже. Кое-где по углам были расставлены старые, полустёртые образа. Были видны и накопленные свечками богомольцев чёрные кресты на сводах. Ярусы опустились так глубоко, что начался слой песчаника, через который просачивалась вода.

Когда они остановились, батюшка сказал, что внизу с обратной стороны скалы шумит Дон, и предложил прислушаться к шуму воды. Было такое ощущение, будто вода, издавая свой рёв и резонируя в пустоте, вот – вот пробьёт камень и затопит пещеру.

Но старик успокоил:

– Уж сотни лет стоит эта пещерная церковь, а вода всё поёт и поёт нам свою грозную песню. Надеемся, что так будет продолжаться всегда.

Не без удовольствия все выбрались на солнечный свет.

Когда прогулка закончилась, Иван попросил Елизария быть их проводником и на следующий день, на что тот ответил:

– Хорошо, покажем вам все наши места. Мы рады хорошим людям.

Вскоре он ушёл в свой дом, а молодым людям захотелось ещё раз осмотреть вершину горы-шатра.

Поднявшись наверх, они наблюдали, как сверху прямо перед ними проплывала рыбацья лодка, которую, как ореховую скорлупу, неудержимо несло течение реки.

По дороге к хутору Иван сказал:

– Такая необычная церковь, даже свет в окошках имеется.

На что Арнольд добавил:

– Подземелья Шатрищенского монастыря вырублены в горе в виде шатра и имеет форму трёхгранной призмы. Отсюда и название «Шатрище».

Придя домой, Иван попросил Арнольда рассказать более подробно историю этих мест.

Весь вечер они рассуждали над многовековыми событиями, происходившими здесь.

Иван обратил внимание Арнольда на название местности, вспомнив, что во многих арийских языках так называли божественных существ, и что в Больших и в Малых Дивах могли быть языческие дохристианские святилища.

Арнольд согласился с версией Ивана, сказав, что Дон и в то время являлся оживлённой водной артерией, соединявшей восточные племена с древнегреческими колониями и позволявшей вести между ними активную торговлю и обмен. Он предположил также, что тогда для языческих капищ использовались вырытые ими небольшие пещеры, а пришедшие позже христиане могли приспособить их под свои нужды.

– В начале нашей эры первые христиане, вдохновлённые проповедями апостола Андрея Первозванного и традиций исихазма, через Чёрное и Азовское моря доходили до Дона. В толще меловых скал они создавали свои первые пещерные храмы и монастыри, ища своего спасения, – говорил Арнольд.

Иван, впервые услышавший от него понятие «исихазм», попросил раскрыть сущность его.

И тот объяснил ему:

– Слово это в переводе с греческого языка означает понятие тишины и уединения, имевшие для христиан глубокий смысл, они «посредством зоркой собранности сознания и Божией благодати» могли созерцать энергию непознаваемого Бога, соединяясь с ним в тишине и уединении.

Иван, перебив рассуждение Арнольда, сказал:

– Только мудрые люди обладают зоркой собранностью сознания, а если они достигли и Божией благодати, то должны быть мудрейшими среди мудрых. Такие люди умеют передавать мысли на расстояния.

– Да, возможно древние монахи и были таковыми, – сказал Арнольд и продолжил:

– Такие иноки в целях нравственного улучшения должны были победить свои страсти, покаяться перед Богом и отрешиться от всего земного. Они с помощью самонаблюдения и целой системы раскрытия в себе лестницы христианских добродетелей искали путь восхождения своего духа к божеству, желая достичь созерцания божественного света.

Иван сразу же вспомнил монаха Власия из Белгорода и рассказы о праведниках матушки Анастасии из Холковского монастыря и задумался.

Неожиданно он спросил:

– Арнольд, вы так сложно излагаете свои мысли, но верите ли вы сами в Бога?

На что тот сказал:

– Религию я уважаю, но верю ли я? Нет, не могу ответить.

И тогда Иван рассказал ему, как он встретил в Белгороде монаха Власия, потрясший его своей мудростью.

– Послушай, что сказал мне этот монах из Белгорода. Святые чудеса творятся Богом там, где есть праведные люди. Люди не должны прятаться от веры. К Богу надо приближаться любовью, надеждой, помощью, участием. Всё, что мы отдаём, обязательно возвращается, но возвращается радостью, мудростью, счастьем.

– Да, хорошие слова, но нас, атеистов, раздражают сомнения. Однако, я счастлив, что нахожусь здесь, – сказал Арнольд.

– Это он, монах Власий, посоветовал мне посетить Дивногорье. А ещё он предложил посетить здесь Пещеру Покаяния. И снять с себя в ней все грехи, – произнёс Иван.

– Пещеру Покаяния? Да, есть здесь такая. Будем просить батюшку Елизария показать нам её, – уточнил Арнольд.

Их беседа продолжалась ещё долго. Уже лёжа в постели, Иван думал над тем, как красота природы, духовная значимость монахов и многовековое существование подземных монастырей постепенно накапливали и в нём самом энергию чистоты души.

Он настолько погрузился в этот мир, что, изначально, рассчитывая пробыть здесь только один день, теперь вот уже третий день не может его покинуть.

9 Пещера Покаяния

С утра следующего дня они опять вдвоём с Арнольдом уже взбирались на вершину горы, осматривая то, что ещё не успели осмыслить вчера.

Предоставленные сами себе, они разлеглись на вершине и словно растворились в этом безмятежном пространстве.

Вокруг были удивительные горы, поднимавшиеся в голубое небо белоснежными столпами. Васильково-синее безбрежье втягивало в себя эти причудливые формы меловых див с притаившимися по крутым склонам темными входами рукотворных пещер.

Белый край притягивал к себе миром, наполненным беззвучием игры неведомых природных сил и тайной фантастических природных картин.

Насладившись видами Дивногорья, они спустились вниз и отправились к хутору.

Подходя к дому, мужчины увидел Акулину, сидевшую на скамейке.

Первым к ней подошёл Арнольд:

– Мы давно вас заметили, дорогая Акулина. Вы такая яркая и загадочная сегодня. Не нас ли поджидаете? – спросил он.

Она улыбнулась и ответила:

– Да, жду, хороших добрых людей. Батюшка сказал, что вы придёте.

Арнольд, желая выразить своё доброжелательное к ней отношение, продолжил:

– Нам хочется, чтобы вы украсили нашу кампанию и тоже пошли с нами.

Немного засмутившись, девушка, не говоря ни слова, встала и пошла в дом. Вскоре вышла, но уже вместе с батюшкой.

– Здравствуйте, батюшка Елизарий. Мы рады, что вы в полном здравии, – приветствовал его Иван.

Увидев молодых людей, тот сказал:

– Мир вам, братья мои, бог творит нам хорошую дорогу, с радостью посылая солнце. Сегодня мы отправимся к Большим Дивам.

По дороге Иван спросил батюшку, не знал ли тот монаха Власия.

– Власия? – переспросил Елизарий.

– Да, монаха их Белгорода. Несколько дней назад я встретил его в соборе, где он молился.

Он и посоветовал мне посетить эти места, – уточнил Иван.

– Знаю, мы оба были монахами. Только пути наши разошлись: меня увезли на север, а он бродил по Белой земле. Долго и я искал пристанище своё, пока не встретился со святой женщиной Зинаидой, матерью моей Акулинушки. А весточка об отце Власии – хорошая, мира его душе желаю. Приходил сюда, да не остался, да и как остаться, когда гонения не проходят. Давно уж не видно его, встретите, скажите добрые слова от батюшки Елизария, – ответил он.

Иван вновь сказал:

– Хорошо бы встретить, но вряд ли это произойдёт, в Белгород я сейчас не поеду, да и где он сейчас скитается, никто не знает.

Немного помолчав и глядя на Акулину и Арнольда, словно выясняя согласны ли они, спросил:

– Батюшка Елизарий, монах Власий очень советовал мне побывать в Пещере Покаяния, находящейся в Дивах. Не могли бы вы сводить нас туда?

– Отрадно, сын мой, что вы сами хотите внутреннего очищения. Это святое место для паломников. Люди взрастили в себе непомерную любовь и гордыню к самому себе, а это плохо, потому что ей сопутствуют такие пороки как тщеславие и высокомерие. Душа, втянутая в подобные и другие пороки, не только разрушается изнутри сама, но и разрушает мир вокруг

себя. Многие верующие хотят покаяться в Пещере перед богом и очиститься от скверны грехов. Мы обязательно помолимся там Богу и будем просить его простить все наши грехи.

Пока они приближались к цели, Елизарий рассказывал им об иконе Богородицы и об исцелениях ею народа от сильнейшей засухи, опустошительных пожаров и холеры, случившихся в этих местах.

Батюшка так заинтересованно говорил, что Иван, словно наяву, тоже видел, как все местные жители с великой радостью устремились к столбу, на котором высоко и глубоко была врезана икона, а один из первых пришедших к ней жителей начал ползком взбираться на крутизну горы.

– Он сумел правой рукой коснуться её, а потом, взяв икону на руки, снёс её вниз без всякого затруднения, – с особым чувством произнёс он.

Батюшка с трепетом в голосе говорил и о том, как торжественно люди отнесли её в город Коротояк и поставили в храм монастырского подворья, чтобы потом обходить с нею крестным ходом города и деревни, носить её по домам из улицы в улицу.

– И она спасла богомольцев от новых эпидемий, болезней, засух и пожаров, где каждый получал по своей вере, – искренне уверял Елизарий шедших за ним людей.

Вскоре по тропинке они взошли на самое высокое место в виде огромной пирамиды, увенчанной крестом.

Батюшка, указав на него, вновь заговорил:

– Вот она наша красота, белая местная Голгофа, у подножия которой уже сотни лет стоят скиты, соборы и монастыри. Эти места схожи с природой Святой Земли и благословил их сам апостол Андрей Первозванный. Эти горы слышат нас, когда мы по ним ходим.

Он показал жестом руки вниз, где у подножия гор стояли строения монастыря возвышались меловые столбы, дивы.

Помолившись на крест, батюшка предложил спуститься вниз и осмотреть другие места.

Из-за горы показался белый столп. Он был так ярко освещён солнцем, что казался вылепленным из сахарной пудры.

Прошли мимо небольших пещер.

Батюшка, указав на них, сказал:

– Здесь трудники и затворники жили.

– А кто это? – спросил Иван.

– Трудники? Да это простые мужики, вставшие на тропинку душевного понимания. Те, кого отвергли жены, дети. Те, кто искал в себе добро и Бога. По благословию они трудились в монастыре, пещеры копали. И жили тут. А затворники, это другое. Это монахи, искавшие спасения души в уединении. Они затворялись от всех в келье или пещере и ограждались от влияния окружающих людей. Цель их затворничества была «исихия» – священное безмолвие. Затворник молится и говорит с Богом, осознавая своё место в мире. Тут есть и глубокая пещера столпника, монаха для особого трудного подвига. Он, подвижник, молился стоя день и ночь, а чтобы ночью не упасть, прикреплял своё тело к стене верёвками или цепями.

– Почему он себя не жалел? – то ли спросил, то ли сказал Иван.

– Так было угодно Богу, – ответил старик.

Они стали спускаться по крутому склону, созерцая по пути деревья, растущие прямо из мела, и по извилистой меловой тропе дошли до двух известковых столпов, похожих на колокольню.

– Здесь под колокольной находится Спасский пещерный храм, – сказал Елизар, указывая рукой на третий столп.

Он перекрестился и вновь сказал:

– Здесь произошло явление чудотворной иконы Божьей Матери, привезённой в эти края много веков назад греками.

Подойдя западной стороны к храму, все увидели над оконцем, загороженным чугуною решёткой, сглаженную часть поверхности с высеченными колонками и перемычками.

– На этом самом месте и была обретена главная святыня наших мест, чудотворная икона Сицилийской Божьей Матери. Когда её нашли, народ пал на колени, плача навзрыд и коленопреклонённо молясь со словами: «Пресвятая Богородица! Спаси нас!», – говорил он.

– Где же эта чудотворная икона находится сейчас, – спросил Иван.

– Одному Богу это известно, – ответил Елизарий.

Иван внимательно осмотрел поверхность стены, где была обретена икона, и ему показалось, будто поверхность стены заискрилась ослепительной белизной палящего солнца. Такое ощущение бывает тогда, когда на место темноты прорывается яркий свет. Ему показалось, что и изображения угодников, написанных красками ниже по бокам от двери прямо по выровненному сырцу скалы, смотрели на него с любовью, приглашая всех войти в храм.

Батюшка Елизарий перед дверью храма перекрестился и вошёл в храм первым, сразу за ним, не закрывая дверь, поспешил Иван.

Пройдя к маленькому алтарю с иконами, батюшка стал молиться.

Пока тот просил у Бога мира и здравия, глаза Ивана привыкли к темноте, и он на стене алтаря обнаружил вырубленный меловой крест с надписью, которую прочитать не смог из-за слабого света, падавшего из окошка вверху.

Он рассмотрел своды церкви, подпиравшиеся четырьмя меловыми столпами, вырубленными в горе.

Помолившись, Елизарий достал из – под рубашки восковые свечи и стал раздавать их.

К его и Ивана удивлению, Арнольда и Акулины они в храме не обнаружили.

– Бог простит им их отсутствие, – сказал батюшка и выдал Ивану восковую свечу.

Вторую взял себе. Они зажгли их. Батюшка нашёл маленькую дверь, отворил её.

Сырым пронизывающим воздухом погреба и удушливым запахом гашёной извести разом пахнуло на них. Откуда-то из далёкой глубины подземелий тянул резкий сквозняк.

Пещеры, по которым они шли, кольцом окружали церковь и в некоторых местах были засыпаны меловыми обломками, через которые пробраться было довольно затруднительно.

– В старину тут жили иеромонахи Ксенофонт и Иосаф, те ведь и эти пещеры ископали. От них здешняя святыня пошла, – сказал батюшка.

– Давно это было, батюшка?

– А кто ж знает? Этого знать никто не может. Сказывали старики старые, что от дедов ещё слыхом слыхали.

– Значит, уж и тогда монастырь здесь был?

– Нет же, нет! Никакого монастыря не было... дичь одна... леса да зверьё всякое. Пришли они из страны иноземной дальней, Сицилия прозывается. Через всякие народы дикие и царства басурманские прошли. И икону чудотворную с собою на руках принесли Божьей Матушки Сицилийской. Со старины так ведётся. Бог знает, какие времена это были. Ксенофонт и Иосаф как и Предтеча Христов спасались от басурман, святость православную укрепляя в белой земле. От них вся земля наша красотой и святостью пропитана.

Ниже опускаться в пещеры не стали, так как разбросанные камни на ступеньках, сырость и темнота требовали большой осторожности, чтобы не упасть.

Батюшка сказал, что здесь даже разбросанные камни имеют свою целительную силу. Иван попросил у Елизария разрешения взять с собой несколько лежавших под ногами отколовшихся кусочков мела. Тот разрешил, и Иван, подняв со ступенек три камешка, положил их к себе в карман,

Выйдя из подземелья, Елизарий аккуратно закрыл за собой дверь на ключ, потом, обратив внимание Ивана на другую пещеру, имевшуюся с западной стороны церкви, сказал:

– Когда жили и копали свои пещеры эти святые люди, никто не знает, но эти первые проповедники божьего слова для нас открыли свет исцеления от болезней и веры. Возможно, здесь они оставили свои мощи. В этой обители подвизался ещё один старец, отец Андрей, уроженец местного села Клёповка. Господь сподобил этого подвижника даром прозорливости, и он возложил на себя тяжёлый подвиг юродства и затворника, проведя здесь в посте и молитве тринадцать лет. Только господь знает, какие телесные подвиги пришлось перенести ему. В пещерке, где затворился отец Андрей и где он клал со слезами поклоны, была полная темнота.

Пока батюшка рассказывал всё это, Иван думал, задавая себе вопросы:

– А может этим людям мир открывался больше, чем нам, учёным? Мы, учёные, хотим и мыслим с высоты опыта. Но далеко ли мы видим? А может, мы только хотим так думать, желая узнать тайны мира, заглянуть наскоком то внутрь земли, то высоко в небо, и этим посеять внутри и вне человека раздор и вражду, уничтожить в нём веру?

Вскоре они вышли из собора.

Батюшка сказал:

– Теперь наш путь лежит к Пещере Покаяния. Что гложет вашу душу, Иван? Что скажете вы Господу и самому себе, подумайте, прежде чем мы войдём в подземелье.

Весь путь до Пещеры Иван думал над словами батюшки Елизария.

Иван понимал, что его душу постоянно гложет какая-то сила, создавая тревогу в душе. Однако точно сформулировать это он не смог.

Он про себя рассуждал так:

– Человек сам не всегда понимает, какие грехи он совершает, и кто-то должен на них ему указать. Ему вспоминались события всей его жизни и особенно те моменты, где он излишне проявлял свою гордыню, где его труд, соответствуя нравственным устоям и пониманию в обществе того времени, шёл вразрез с личным осмыслением жизни. Он вспомнил о своих предках. О дедушке Петре Ивановиче, погибшем при спасении им тонущих моряков на Неве во время наводнения, перед ним предстала бабушка Арина Сергеевна, не вынесшей этого и в скорби по нему вскоре скончалась. Он их совсем не помнил. За какой грех они так жестоко расплатились, рано уйдя из жизни, не дав ему даже увидеть их.

Он подумал о бабушке Мавре Анисимовне и дедушке Петре Гавриловиче по линии отца, которых очень любил, погибших в годы войны от бомбёжки во время эвакуации их около города Почепа, что на Брянщине. Он их очень любил. Какой грех совершили они? В каких грехах ему каяться за них?

Он вспомнил свою первую жену Машеньку, первую любовь, родившую ему сына Серёженьку, но погибшую от рук фашистов, находясь в партизанском отряде. За какие её грехи покаяться ему?

Перед ним словно проплывали и родители Машеньки мама Прасковья Ильинична и папа Емельян Иванович, человек искренне верующий в Бога, умершие вместе на печи их дома от угарного газа из-за закрытой выюжки в печке в зимний морозный день.

А мама Надежда Петровна, пережившая в блокадном Ленинграде столько лишений, и папа Иван Петрович, погибший от сброшенной на город фашистской бомбы?

Всех их уже нет на этом свете, но разве они в чём-либо виноваты?

Нет, все их грехи он берёт на себя. Может и не случилось бы всего этого, если бы не его длительные командировки на Урал, сделавшего его в годы войны надолго солдатом трудового фронта на челябинском Танкограде.

Сколько страданий причинил он своим отсутствием этим дорогим ему людям.

Но его раздумья шли дальше родного очага, они касались его родного города и даже страны и мира.

Он вспомнил тот случай, когда проявил свою гордыню, согласившись, участвовать в организации Всесоюзной ярмарки. Ему казалось тогда, что она должна была стать началом новой

экономической политики всей страны. Однако, это не было оценено властями в Москве. Мало того, все организаторы этой ярмарки были объявлены врагами народа. Тысячи людей стали в один миг нарушителями каких-то законов, осуждённых на десятки лет разных лагерей по всей стране. Он тоже стал игрушкой в руках властей, сославших его за колючую проволоку на Север и в Сибирь.

Он был готов покаяться и за эту свою гордыню, которая способствовала разлуке и со своей второй женой и отдалению от его второго сына. Он все вольные и невольные грехи сейчас брал на себя.

Он думал и о другой странице его жизни: работе во время войны на Танкограде. Он понимал, что стране, борющейся с фашистами, нужны были танки. Однако, война закончилась, а выпуск танков продолжился. Он не понимал, почему политики всех стран не могут договориться и прекратить их выпуск ради мира на земле.

Покаяться перед Богом за свои грехи и вдохнуть в человека силу добра и справедливости, отказаться от разрушительных деяний каждого человека, не нанести его состоянию нравственный дискомфорт – не это ли является главной силой Покаяния, – думал Иван, и он уже был готов делиться своими мыслями с Богом.

Его раздумья нарушил батюшка:

– Иван, смотрите, за склоном горы показался белый столп, под ним и находится Пещера Покаяния.

Подойдя к двери мелового столпа, батюшка, сказал:

– Это место намолено веками! В ней совершались Таинства исповеди. Готовы ли вы, Иван, покаяться?

– А что я должен сделать? – спросил он.

– Пройти весь путь и молиться, выплеснув из души своей все греховные помыслы за себя и близких вам людей.

– Да, я готов, – утвердительно заявил Иван.

– Есть только один способ очищения души и её успокоение – это покаяние перед Богом, но это длинный и сложный путь. Покаяния никогда не бывает много, потому что человеку всегда есть в чём раскаяться. Надо внимательно всмотреться в себя и без самооправдания и прочих уловок разглядеть нелюбимые уголки души и вынести их на исповедь.

С этими словами батюшка достал две свечи, зажёл их и одну передал Ивану, затем маленьким ключиком, неизвестно откуда оказавшимся в его руках, повернул защёлку в двери и открыл дверь. Когда свеча тусклым светом осветила вход, Иван с замиранием сердца осторожно ступил за батюшкой по мягкому полу.

Пройдя метров двадцать, они неожиданно остановились. В слабом свете на стене Иван увидел резную меловую икону с изображением Богоматери, подойдя к которой батюшка перекрестился три раза и стал молиться.

Иван тоже перекрестился, произнеся слова:

– Матушка, царица небесная, прости меня за все мои прегрешения.

Он вспомнил матушку Анастасию из Холковского монастыря, которая с трепетом в голосе просила Матерь Божию за всех людей, чтобы она помогла им иметь надежду, терпение, радость, утешение.

От этого воспоминания, словно свет, озарил его душу, что он, так же как и она с выражением, произнёс:

– Милостивая наша Матерь Божия, услышь меня и протяни ко мне руки твои, наполненные исцелением, дай всем скорбящим Радости и Утешение. Во имя Отца и Сына и Святого Духа, во веки веков. Аминь.

Он впервые произносил такие слова, тишина и полный покой помогали ему в этом, разнося голос по всему подземелью.

Закончив свою придуманную им молитву, он почувствовал всё величие и торжественность момента в этом подземном храме.

По мере продвижения вперёд, Иван стал чувствовать, как пещера уменьшалась в размере. И вот уже потолок нависал над его головой, цепляясь за волосы, а руки касались стен пещеры.

Батюшка же, словно испытывая Ивана на выдержку и выносливость, медленно шёл перед ним.

Он был ростом ниже Ивана, поэтому его голова и руки не столь часто ударялись о потолок и стены.

Иван от движения в полусогнутом положении даже почувствовал боль в спине, а подземный ход становился всё ниже и уже.

В какой-то момент он даже подумал о страхе быть навсегда замурованным в этой узкой пещере.

Батюшка, словно поняв это, неожиданно произнёс:

– Все поклоны нашему царю небесному отданы. Теперь смело можно покаяться перед ним за свои прегрешения.

Так, стоя в три погибели, Иван, выдавливая из себя те признания, которые продумывал накануне, и постоянно крестился. Батюшка слушал молча и тоже крестился.

Неожиданно он, тронув Ивана за плечо и не говоря ни слова, пошёл обратно. Иван последовал за ним.

Пройдя с десяток шагов, они свернули в бок пещеры и оказались в более высокой и широкой нише.

Батюшка, встав во весь рост, сказал:

– Мой брат, ты покайся, очистишься от греха. Глубокая тишина помогает забыть мирскую суету и побуждает в человеке лучше прочувствовать покаянный дух. Верь в Бога и Богородицу, и они придут к тебе. А теперь ещё раз склони голову перед Богом и поблагодари его за всё. Не бойся просить Его помощи снова и снова. Твоя душа ищет чистоты, это отрадно. Теперь тебе можно доверять.

Пройдя ещё несколько метров вперёд, батюшка остановился перед маленькой иконой с изображением Христа и произнёс:

– Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас, аминь.

То же самое произнёс и Иван.

Произнеся эти слова, он показал на дверь, сказав:

– А вот и выход из Пещеры Покаяния, – и, подойдя, отворил её.

Яркий луч ворвался в темноту пещеры. Было такое ощущение, словно туда ворвалась новая, неведомая им сила.

Иван закрыл глаза и стоял до тех пор, пока они привыкли к свету.

В эти минуты у Ивана было такое состояние, будто он перешёл некую границу, отделяющую тьму от света.

Глядя на маленькую дверь, из которой они только что вышли, и батюшку Елизария, Иван перекрестился и сказал:

– Благодарю вас, батюшка. Как хорош свет после заточения!

Несмотря на то, что батюшка Елизария заметно устал, он предложил Ивану дальнейший путь к зданиям бывшего монастыря.

Из уст Елизария Иван услышал новый трагический рассказ о разорении дивногорского монастыря и о расстреле в нём местного архимандрита Флорентия с оставшейся братией.

Об этих трагических событиях батюшке рассказывали женщины, бывшие тогда маленькими девочками. Сейчас он только передавал их невесёлый рассказ.

– Они стояли под мостом, боясь пошевелиться и видели, как красноармейцы сталкивали иноков с камнем на шее с моста в реку, – волнительно говорил он. Братию расстреливали

и в трапезной пещерного храма. Новые хозяева жгли иконы, сваливая их в кучу во дворе монастыря. Местные жители тайком ночью уносили их, пряча в своих домах. Были утоплены в реке Тихая Сосна все священные книги.

Когда они пришли к зданиям, то обнаружили сидящими у колодца Арнольда и Алевтину, мило смотревшими друг на друга.

Увидев Ивана и батюшку Елизария, они заулыбались и вышли им навстречу.

Иван спросил:

– Куда же вы делись?

Арнольд ответил, что они с Алевтиной решили идти помедленнее и отстали.

Посмотрев на батюшку, присевшего рядом с Алевтиной, Иван сказал:

– Спасибо батюшке Елизарию, он мне так много показал и рассказал. Мы посетили Пещеру Покаяния. Это забыть нельзя.

Глава вторая

10 Мне хочется открыться вам

Вечером этого дня, Иван, понимая, что на следующий день он должен уехать в Ленинград, захотел пригласить всех на чаепитие и попросил Зинаиду Кирилловну организовать стол и уговорить явиться к столу батюшку Елизария и Алевтину.

С Арнольдом он договорился сам. По пути тот набрал целую охапку цветов, надеясь одной частью украсить комнату, а другую вручить за столом Алевтине.

Когда все сели за стол, Иван, поблагодарил их за радушный приём, сказав:

– Дорогие мои хозяева этого доброго дома, самые глубокие чувства испытываю я к вам. Вы привнесли в мою душу столько добра и красоты, и я счастлив, что узнал вас. Батюшка Елизарий, для меня вы – святой человек. Живя в дивных местах с такими прекрасными женщинами, мудрой и доброй вашей женой Зинаидой Кирилловной и цветущей красивой дочерью Алевтиной, вы не можете не быть счастливым человеком. Спасибо вам за всё, что вы для меня сделали. Спасибо и Арнольду, который, несмотря на свою молодость, с глубоким желанием познаёт историю этих святых мест. Мне очень хочется, чтобы Дивы больше не разрушались и зажили новой жизнью, а пещеры и монастыри возродились вновь.

Батюшка слушал его внимательно, а когда Иван замолчал, то сказал:

– Да, я счастлив тем, что мои дорогие жена и дочь живут здесь со мной. Бог дал нам счастье жить в святых местах. Человек счастлив тогда, когда он на поставленные жизнью вопросы находит добрые ответы. Мы нашли свой ответ, хотя Бог дал нам возможность многое испытать в своей жизни. Мы прошли эти испытания и простили всех наших притеснителей, очистились от всех наших грехов.

Иван заметил, что когда батюшка стал говорить о неких притеснителях, то Зинаида Кирилловна заволновалась и, перебив своего мужа, взволнованно заговорила:

– Иван, как хорошо, что вы появились у нас. У меня к вам большая просьба. В Ленинграде живёт мой брат, не знаю, жив ли он или нет, но почти сорок лет тому назад мы расстались, и я больше его не видела. Вот уж двадцать лет я томлюсь, не в силах что-либо узнать о нём. Если вам будет не трудно, окажите нам честь, попробуйте найти его.

Неожиданно она громко навзрыд заплакала. К ней сразу подседа Алевтина. Она обняла её и стала гладить её по голове и успокаивать словами:

– Мамочка, не плачь. Не надо... Я у тебя есть... Папа, каждый день молится за нас...

Зинаида Кирилловна прижалась к дочери и стала как-то невпопад говорить:

– Да, доченька... Алечка... Не буду плакать... Не забыть мне всего, что было со мной...

– Зинаида Кирилловна, почему вы плачете? Я обязательно постараюсь найти его, если он живёт там, – сказал Иван.

Женщина задумалась и внимательно посмотрела на него, потом на дочь, на мужа, глубоко вздохнула, вытерла рукой свои мокрые глаза и сказала:

– Не знаю, почему, но именно вам, Иван, мне хочется открыться и снять с моей души тяжесть. Ведь я никогда никому не рассказывала о своей судьбе.

Она медленно посмотрела на Ивана, Арнольда, дочь и тихо произнесла:

– Вы люди молодые, и вам нужно учиться жить. Теперь, когда моя жизнь почти прошла, уже не страшно поведать о ней, тем более, что мы, я думаю, больше никогда не встретимся. Ведь счастье в жизни не бывает долгим. Было ли оно у меня? Не помню. Трудная жизнь выпала мне.

И Зинаида Кирилловна стала рассказывать о своей трагической судьбе и судьбе своих родственников, долго и трогательно открывая им свои чувства.

Попробуем пересказать суть её рассказа.

Родилась она в большой трудолюбивой крестьянской семье в деревеньке с названием Выгон. В семь лет её отдали в трёхлетнюю земскую школу, по окончании которой хотели послать учиться ещё дальше, но она не поехала. Глупая была, ничего не понимала.

– Не поеду никуда, буду работать и вам помогать! – сказала она тогда родителям, не желая покидать родительское гнездо и расставаться с привычным крестьянским укладом.

И Зинаида помогала им, не боясь никакой работы. Все вместе по весне готовили почву для посева. В начале лета шли на сенокос, где косили, сушили и стоговали сено. А там уж рожь поспевала, наступала жатва: стар и млад, беря в руки серпы, от восхода до захода солнца трудились в поле. Вскоре и ячмень созрел, подходили пшеница и овёс. Осенью на молотьбу хлеба в овин шли с пяти часов утра. А потом картошку копали, «новины» выжигала для новых полей, на которых потом сеяли лён. И так до декабря, вплоть до Николина дня. И зимой без дела не сидела: вместе с женщинами мяла, трепала, да чесала лён, а потом с него пряла пряжу, ткала холстину, красила сарафаны с рубахами.

Сплошные глаголы: работала, пахала, возила, трепала, пряла да красила.

Прошло время. Жили они большой общиной, помогая друг другу. Её отец Кирилл Артёмич был мастером на все руки. Он был и настоящим хозяином в своей усадьбе: к своему дому пристроил лавку с жильём наверху, рядом с домом возвёл кузницу, сам сделал станок и вытаскивал на нём втулки для колёс, в которые набирал спицы. Там же ковали и лошадей. Отец часто на своей паре лошадей ездил в город. Там знакомые купцы давали ему в долг необходимые товары: керосин, соль, сахар, чай, отрезки кожи на подмётки, да сошники к сохе и лемеха к плугу. Ещё, что особенно запомнилось в детстве, он привозил подарки детям и женщинам: всякие пряники: сусленики, сиропки, глазировки, конфеты, всех понемногу.

Семья разрасталась, вернулись отслужившие в армии старшие братья. Они поженились, обзавелись детьми.

Родственники работали с утра до вечера, пахали, сеяли, строили, вели хозяйство.

Так, с упорством муравьёв крестьяне по зёрнышку созидали своё богатство.

Так и шла бы жизнь. В семье прибавлялись детки, строились дома, и все работали, косили, жали, молотили. Как говорится, ели хлеб в поте лица своего.

Но пришёл девятьсот четырнадцатый год, началась война с Германией. Братьев взяли на фронт, дома остались отец да мама, сёстры без мужей да снохи с детьми, продолжавшие вести своё хозяйство.

Престарелый отец тоже должен был исполнять военную обязанность – возить почту в оба конца два раза в неделю. Но, чтобы поддерживать разросшееся хозяйство, он вместо себя ямщиком пристроил свою маленькую дочь.

– Осень, дождь, темень, грязь, а ты едешь в тарантасике, несмотря ни на что. Иногда, сердце обрывалось в пятках, так страшно было ездить одной. Конечно, лошадь была привычная, знала дорогу, но всё же зверья в лесу всякого было много. А когда почту сдашь, то у хлеба-сола отдохнёшь и поешь. Станет теплее на душе. А потом едешь домой обратно, дорога к дому всегда короче. Лошадка Карька хоть и старовата была, зубы плохие, да и силы не те, но была большой помощницей, – рассказывала Зинаида.

Время летело быстро. Вскоре через год вернулся с войны брат Пашка, второй брат Гришка попал в плен в Берлине и вернулся на полгода позже. Не вернулись домой только третий брат Иван да муж сестры Анны.

Жизнь снова стала налаживаться, увеличивалось семейство у братьев. У Пашки стало трое, а у Гришки четверо ребятишек. Они построили для себя новые дома и разделились с родителями.

У родителей родился ещё один братик, названный по имени отца. Все радовались и очень любили маленького Кирилку.

Так бы и продолжалась жизнь в крестьянских заботах да радостях, если бы не революция семнадцатого года и Гражданская война, наступившая вслед за ней.

Родственники, хотя и жили далеко от военных и революционных событий, но видели, как по деревне ходили нищие люди, желавшие выменять кусок хлеба на какую-нибудь вещь. С каждым днём их становилось всё больше и больше. Деревенские жители перестали открывать двери, чтобы не привлекать к себе внимание и не остаться без хлеба.

Вскоре и Зинаида вышла замуж за Петра, жившего в этой же деревне. Сразу же родился сынок Василий, потом через два года после него ещё один сын Володенька, потом родилась двойня – Иван да Галина.

Так и жили до тридцать второго года, когда муж, отправившись по делам в город, больше домой не вернулся. Семья погоревала, узнав, что его застрелили комиссары, предположив в нём переодетого белого офицера. Это стало предчувствием того, что кончалась эпоха трудолюбия и справедливости.

Осенью этого же года без всяких собраний и вызовов к ним явились четверо активистов односельчан: Фёдор Усов, председатель, Петрушка, активист, Ванька Маврин да Стёпка. Так их назвала Зинаида Кирилловна.

Кто-то из них, обращаясь к отцу Зинаиды, сказал:

– Дядя Кирилл, вы объявлены врагами народа, и мы пришли забирать ваше хозяйство.

Они обозвали на «кулаками» и предупредили, что, если не отдадим им добро добровольно, то они тогда всех нас арестуют. И вот тогда только мы все поняли, что наступил час беды. Активисты бегали по двору, заглядывая под навесы, дёргали замки на амбаре и кладовой, требуя ответа, где и что спрятано. Дед, боясь расправы со стороны активистов над женщинами и детьми, честно признавался во всём. Петрушка махал перед носом отца ключом, запрещая близко подходить к дверям. Они открыли кладовую, где стояли кадушки с огурцами и капустой, четверти с костяникой и корчаги с брусникой и клюквой, туеса с творогом и ладки с маслом. Эти новоиспечённые местные бандиты громко топали, сердито кричали, грязными руками хапали бруснику из тазика, чавкали, облизывая мокрые пальцы. В доме было шумно, как на ярмарке, – взволнованно рассказывала Зинаида Кирилловна.

Она заплакала, но после некоторого молчания вновь принялась рассказывать, как активисты забирали сундуки, в которых находились девичьи и женские наряды, и всё, что было в доме, кладовой и под навесами во дворе.

– Они изыали даже предметы, необходимые для ведения домашнего хозяйства: хомуты, верёвки, короба, овчины, кожи, плуги, мешки, сбури. Погрузив на телеги, они увезли на лошадах всё, оставив в пустом доме большую семью с чугуном картошки и без хлеба. Не забрали только одежду четверых деток и одеяла для них, – вздрагивающим от волнения голосом говорила женщина.

Так хозяйева крепкой усадьбы стали беспомощными и униженными перед вероломством активных сельсоветчиков, сделав в один миг настоящих тружеников нищими.

Пока в доме творилось насилие активистов, Зинаида отправила к брату Григорию своего младшего брата Кирилку, чтобы тот рассказал им о своём горе. Мама и сестра так и не дождалась его обратно, потому что вскоре прибывшие трое красноармейцев приказали всем собраться и под ружьём повели их к ближайшей железнодорожной станции. С собой решили взять только самое необходимое: еду, одежду и одеяла для детей.

– Куда нас везли, точно никто сказать не мог. В дороге заболел двухлетний сын Иван. Он лежал на подстилке, был весь в жару, и его глаза были почти безжизненными. Всё время просил пить. Двое суток поезд издевательски медленно тянулся или стоял на путях, а конвоиры редко когда давали набрать воды. Моя мама качала сына, дав ему сухарик, но он только

держал его в своей маленькой ручке, не в силах поднести ко рту. Остальные малолетние детки, как воробышки, прижавшись к бабушке, сидели у неё под крылом, – плача уже навзрыд, рассказывала Зинаида Кирилловна.

Её стал успокаивать муж, пытаясь остановить эти воспоминания, а дочь Алевтина, крепко обняв свою маму, говорила ей о своей любви, вытирая слёзы, капавшие на её руки из мокрых глаз матери.

Наконец, муж предложил своей жене покинуть беседу. И они действительно ушли, но только на время.

Примерно через полчаса Зинаида Кирилловна явилась одна. Она была спокойна, сказав: – Иван, может быть наша беседа будет единственной и последней в моей жизни. Сорок лет я молчала. Теперь хочу о своей жизни рассказать всё. Если вам это интересно, я продолжу свой рассказ.

Попробуем пересказать то, о чём она нам поведала ему дальше.

Поезд, в котором Зинаида Кирилловна ехала со своей семьёй, останавливался редко. Вместе с ней были её отец с матерью и четверо детей.

Наконец, поступила команда «Выходи из вагонов!». Сотни людей спрыгивали с высокого настила и бежали к последнему вагону, чтобы забрать свои вещи.

Но к их удивлению, последнего вагона не оказалось, где-то в пути его отцепили. Так и остались люди без вещей и одежды! А был ноябрь месяц! Впереди зима! Горе-то какое!

Затем их, более тридцати семей, посадили на телеги и отвезли в лес возле какой – то деревни, выгрузив на болоте прямо под открытым небом.

Поначалу они жили в наспех сооружённых из тонких ёлочек шалашах под пристальным оком конвоиров, строя новый посёлок. Они расчищали леса, подрубая корни у деревьев и корчя их.

Позже им выделили бригаду из местных мужчин для строительства барачков.

В построенных из сырого леса домах в каждой комнате помещалось по две семьи. Когда топили печь, по стенам бежали капли воды. Поначалу кормились тем, что находили в лесу: ягодами, грибами, ветками малины для чая.

Потом продукты им стали привозить, раздавая по установленным нормам потребления. Жили впроголодь. Мужчины уходили в леса, для женщин организовали бригаду, занимавшуюся переноской кирпича, а затем прорубкой дороги. Когда отдыхали, ели печёную рябину, плакали, да пели песни.

Была ужасная тоска по деревне, которую невозможно было выразить словами. Да и поздняя осенняя погода с низкими облаками, сбивавшимися в обширную лохматую тучу, плакавшую горькими дождевыми слезами, добавляла тоскливое настроение.

– А у моего Ванюшки болезнь не проходила, он покрылся коростой и таял на глазах. Ребёнок смог протянуть ещё две недели и умер на глазах у всех членов семьи. Моего горя в тот момент измерить было нельзя. Отец из остатков досок сделал маленький гробик, положил моего Ванюшку завернутого в пелёнку на его дно и дал нам с ним попрощаться. Потом заколотил гробик доской, обвязал его верёвкой и, взяв через плечо, понёс к заранее выкопанной им яме. Похоронили его за деревней, открыв счёт новому кладбищу на русской земле. Я и моя мама, прислонившись к берёзе, беззвучно и безутешно плакали, – не в силах сдерживаться вновь заплакала Зинаида Кирилловна.

Каждый день переселенцы должны были отмечаться в регистрационном листе, но показывать себя недовольными такой жизнью было нельзя. Таких переселенцев ждала ещё более суровая кара, для чего комендатура повсюду расставляла своих людей – «шептунов», осведомлявших о настроении спецпереселенцев.

Кирилл Артёмич, отец Зинаиды, работал на лесозаготовках, приходил домой всегда усталый и угрюмый. Но он держался и молча выносил все трудности. Бабушка всячески старалась помогать дочери и заботилась о своих внуках и внучках. Так прошло несколько лет.

Однажды в спецпоселении заболело сразу более десятка детей и взрослых. Сказали, что эта была вспышка сыпучего тифа. Зинаида своих детей никуда не отпускала от себя, боясь заразиться, но заразились дети соседской семьи. Болезнь коснулась и дочери Галины. Она металась в жару по настилу, заразив младшего сына. Спасти обоих не удалось, они умерли в беспомощности через неделю со дня начала болезни. Состояние Зинаиды было близко к помешательству. Хоронил их дед, не подпустив к умершим детям никого из женщин. Гроб соорудил один на двоих, закрыл его деревянной крышкой и отнёс на кладбище, вырыв могилу рядом с младшеньким внуком.

Спасти удалось только старшего сына Василия, которому тогда исполнилось десять лет.

Зинаида в её тридцать шесть лет превратилась в поседевшую и сгорбленную старушку.

Однажды, когда женщины мылись в бане, то мама Алевтина Александровна, посмотрев на свою дочь, сказала:

– Зинаида, какая ты худая? Хватит плакать и скорбеть по детям. Надо жить.

И этот настойчивый совет родной матери помог ей. Постепенно она перестала так часто ходить на кладбище, стала приходить в себя и даже поправилась.

Это заметил комендант спецпоселения, который узнав о её способности читать, писать и считать, в то время ему на службу был нужен именно такой человек, пригласил к себе в контору на работу.

Так перед самой войной ей повезло. В силу того, что комендант был неграмотным, Зинаида ему пришлась кстати.

– Вот тогда мне довелось читать много разного рода документов, и я поняла, что с нами сделала власть. Я пыталась понять, кому же это помешало, чтобы спокойно жили себе люди, работали, хлеб растили, за скотиной ходили, большую часть вещей обиходных сами себе делали, да ещё и обществу служили? Разве это было плохо? – задала она вопрос скорее самой себе и продолжила.

– В годы войны умерли мои родители, похороненные рядом с моими детьми, единственный оставшийся в живых сын Васенька тайно записался добровольцем на фронт и пропал. Погиб он или жив, я не знаю. Я думала тогда, зачем живу, когда нет моих детей и родителей со мной? Бог спас меня, познакомив там же с моим нынешним мужем, батюшкой Елизарием. Нас отпустили после войны на все четыре стороны. Батюшка привёз меня на святую землю уже почти двадцать лет тому назад. Вот и доченька Аленька выросла на радость нам. Вот только прошлое не отпускает меня от себя. Моё горе не должно уйти бесследно. Во мне живёт надежда увидеть моего сына или брата. Ведь объявился же тогда мой старший брат, разыскавший меня там, в поселении, но мне было страшно признаться в этом коменданту. Папу и маму я уже тогда там схоронила рядом с моими детьми.

Она заплакала и долго не могла успокоиться. Алевтина вытирая ей слёзы, сама беззвучно плакала. Оказалось, что она сама слышала это впервые, и для неё это было глубоким потрясением.

Чтобы как-то отвлечь женщин от их переживаний, Иван переключил своё внимание на батюшку, спросив:

– Зинаида Кирилловна, а как оказался там батюшка Елизарий?

На что она ответила:

– Да, тогда пострадали многие монахи. Здесь в Дивах он служил Богу, отсюда многих монахов погнали в лагерь.

Иван посмотрел на Зинаиду Кирилловну, и, заметив, что та перестала плакать, сказал:

– Мне очень хочется помочь вам разыскать в Ленинграде вашего брата. Если он ещё живой, то я обязательно это сделаю. Сохранилось ли у вас его письмо к вам?

– Да, сохранилось. Это единственная ниточка к моей прошлой жизни. Я сейчас схожу за ним, – сказав это, она ушла.

Минут через десять она вернулась, принесла конверт, из которого вынула лист бумаги.

– Ваня, эти дорогие мне листочки, я отдаю тебе. Они слабая ниточка, соединяющая меня с прошлой моей жизнью, с мамой и папой и, особенно, с моими умершими деточками, с теми лишениями, которые всем нам пришлось пережить. Ваня, надеюсь, что вы вернёте мне этот конверт и письмо, если не найдёте моего брата Кирилла Кирилловича Карелина. Правда, в письме он подписался другой фамилией... почему-то Самолётовым. Может это и не мой брат вовсе... А вдруг это наш Кирилка... Бога молю, Ваня, узнай там в Ленинграде... Буду ждать от тебя весточки с нетерпением...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.